

Виктор Алеветдинов

ХАБАРОВСК

ПРАВИЛА ЧЁРНОГО ДРАКОНА

ЗЕРКАЛЬНЫЕ ШВЫ

КНИГА 5

ПРАВИЛО V

НЕ ПЕРЕХОДИ ШОВ БЕЗ СВИДЕТЕЛЯ

ГОРОДСКОЙ МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

18+

Виктор Алеветдинов

**Зеркальные швы. Книга 5.
Правила Чёрного дракона**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Зеркальные швы. Книга 5. Правила Чёрного дракона /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Что, если человек вернулся из другого слоя реальности, но никто не может доказать, что вернулся именно он? В музейной витрине Хабаровска появляется вечерний Амур, хотя за стеной — внутренний двор. Дежурный техник исчезает за стеклом, камера фиксирует лишнего участника, а у незнакомца на записи оказывается лицо Максима Логинова. Вскоре зеркальные швы открываются по всему городу. Они ведут в прошлое, вероятное будущее и Зеркальный Хабаровск, где память можно подделать, свидетельство — купить, а человеку назначить другую версию жизни. Правило V гласит: «Не переходи шов без свидетеля». Но кому верить, если камера лжет, документы дописывают подписи, а отражение знает твой следующий шаг? Максиму предстоит найти источник швов и доказать, что вернувшиеся остаются собой. Но кто подтвердит его самого, если из шва выйдут две версии одного человека? «Зеркальные швы» — городской техномистический триллер о двойниках, поддельной памяти, цене спасения и праве человека оставаться собой.

© Алеветдинов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Стекло помнит берег	5
Глава 1. Берег за стеклом	5
Глава 2. Вторая подпись	11
Глава 3. Человек в отражении	15
Глава 4. Память дежурного	19
Глава 5. Долг Сунь Чжоу	23
Глава 6. Лифт на другую улицу	28
Глава 7. Что помнит Марина	33
Глава 8. Камень и копия	38
Глава 9. Первый непризнанный	43
Часть II. Ложные свидетели	48
Глава 10. Галерея Свидетелей	48
Глава 11. Ответственность за увиденное	53
Глава 12. Рынок отражений	57
Глава 13. Свидетель без профиля	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Виктор Алеветдинов

Зеркальные швы. Книга 5.

Правила Чёрного дракона

Часть I. Стекло помнит берег

Глава 1. Берег за стеклом

Сомов остановился у витрины так резко, что Максим едва не задел его плечом. В стекле за древними предметами тянулся вечерний Амур, хотя окна зала выходили во внутренний двор. По воде шла узкая лодка, и человек на корме работал одним веслом.

— Отражение не совпадает со светом, — сказал Сомов.

— В музее пять минут как выключили верхние лампы.

— На реке ещё светло.

— Это Хабаровск. У нас и погода по районам разная.

— Но берег обычно не появляется внутри витрины, — заметил Максим.

Они приехали на короткую сверку музейных материалов после проверки мостового архива. Максим рассчитывал подтвердить отсутствие новых швов и вернуться в Дом до ночного обхода.

Он снял Камень Звезды с шнура под рубашкой. Тёмный кристалл лёг в ладонь привычной тяжестью. Максим поднёс его к стеклу, не касаясь поверхности.

По внутренней грани камня прошла холодная полоса и повернула к стене за витриной.

— Русло, — сказал Максим.

— За кирпичом? — техник посмотрел на стену. — У музея богатая недвижимость.

Полоса в камне повторяла изгиб воды и уходила вниз у правого края витрины. Возле плинтуса блестела холодная влага с запахом речного ила.

— Камеры работают? — спросил он.

Техник вывел изображение на монитор. На экране трое мужчин стояли перед витриной. За спиной техника находилась ещё одна фигура в белом пальто.

Проход между витринами был пуст.

— Сотрудник? — спросил Сомов.

— У нас нет такой формы. Музей пугает людей ценами на реставрацию, а не одеждой.

Фигура почти касалась плеча техника, но лица камера не видела.

Максим позвонил Лизе. Связь прошла со второго раза.

— В зале активная линия. Стекло показывает берег, а камера добавила человека.

— Пришли поток и не трогай стекло, — сказала Лиза.

Сомов посмотрел на Камень Звезды в его руке.

— Это считается «не трогать»?

— Я обучаемый.

— Пять недель наблюдаю. Доказательств мало.

Лиза услышала и рассмеялась.

— Сомов, не отпускайте его одного.

— Я сегодня за этим и приехал.

Максим отправил доступ к камере. Изображение дрогнуло. Фигура в белом пальто подняла голову, но техник шагнул ближе и заслонил её.

- Назад, — сказал Максим.
- Я только посмотрю. Там лестница.
- В зале нет лестницы, — ответил Сомов.
- За стеклом есть. Я вчера её проверял.

Техник говорил уверенно, будто Максим мешал обычной работе. Он протянул руку к витрине.

Максим успел схватить его за локоть. Пальцы вошли в стекло без звука. Поверхность не разбилась и не прогнулась. На мониторе человек в белом пальто положил ладонь технику на спину.

- Не тяните! Там человек у воды!

Техник рванулся вперёд. Пол стал скользким, из-под витрины потекла вода. Сомов обхватил его за пояс, и несколько секунд они втроём изображали музейную композицию о пользе совместного труда.

- Ноги шире! — сказал Максим.
- Я мосты обслуживаю, а не танцы веду!

Сила за стеклом рванула техника вперёд. Он ударился плечом о раму и исчез. Сомов удержал ремень на его спецовке, но застёжка лопнула.

За витриной техник стоял на мокрых камнях. Он обернулся и ударил ладонью по невидимой границе. Звuka не было.

Максим приложил Камень Звезды к металлической стойке. Полоса внутри кристалла стала ярче и указала вниз и вправо.

- Выход сместился, — сказал он.
- Насколько?
- Пока на один шаг.
- А через минуту?
- Поэтому минуту не тратим.

Максим достал страховочный шнур и передал свободный конец Сомову.

- За колонну.
- Я удержу.
- За колонну.

Сомов закрепил линию за чугунную опору и поднял телефон.

- Запись идёт. Я здесь.

На мониторе белое пальто стояло рядом с техником по ту сторону стекла. В зале возле Сомова фигуры не было.

Лиза оставалась на связи.

— Не считай запись свидетелем, — сказала Лиза. — Она уже добавила лишнего участника.

- У меня Сомов. Камера нужна для маршрута.
- Максим.

За стеклом вода поднималась к щиколоткам техника. Тот шёл к несуществующей лестнице.

Максим встал перед витриной.

— Максим Логинов. Вхожу, чтобы вернуть дежурного техника. Выход через эту границу. Сомов остаётся свидетелем входа и возвращения.

Сомов дёрнул линию.

- Решишь прогуляться вдоль берега — верну самым невежливым способом.
- Это входит в задачу.
- Нет. Это моя личная инициатива.

Максим шагнул в стекло. Холод вошёл под одежду. На другом берегу пахло дымом и мокрым деревом, а за прямоугольником витрины Сомов стоял у колонны с линией в руках.

Техник был в шести шагах. Он спускался к воде по деревянной лестнице.

— Стойте!

— Там мой напарник. Он упал.

У воды лежала перевёрнутая лодка. Рядом никого не было. Белое пальто двигалось правее, между камнями.

Страховочная линия натянулась. Сомов дальше не отпускал.

— Ваш напарник остался в музее, — сказал Максим. — Вы вошли один.

— Нет. Он шёл за мной. Я видел на камере.

Техник уже вспоминал запись как собственный опыт.

Максим догнал его у нижней ступени и встал между ним и водой.

— Зачем вошли?

— Проверить лестницу и вытащить Сергея.

— Он существует только на записи.

Белая фигура остановилась в нескольких метрах. Рост и посадка головы показались Максиму знакомыми, но он не стал всматриваться.

— Запись не стоит рядом с вами, — сказал он. — Я стою. Возвращаемся.

— А Сергей?

— Если он в зале, Сомов его увидит. Если он только на камере, разберёмся после выхода.

Техник посмотрел на лодку.

— Я не брошу человека.

— Поэтому и выйдите. Здесь вы ему не помогаете.

Техник выругался, но повернул назад. Сделал два шага и замер.

Выход сместился. За стеклом оказался пустой служебный коридор, а белая фигура шла к лежащей на полу камере.

— Линия! — донёсся голос Сомова слева.

Шнур уходил в воздух над камнями. Камень Звезды обжёг грудь холодом и указал к двум валунам, между которыми дрожал воздух.

— За мной, — сказал Максим.

— Там вода.

— Здесь она везде. Это не довод.

Техник невольно усмехнулся и пошёл следом. У валунов течение било по обуви. Максим коснулся камнем воздуха между валунами. Пространство помутнело, и в нём появилось отражение музейного потолка.

Белое пальто оказалось у них за спиной.

— Сергей! — техник развернулся.

Фигура подняла руку и позвала его к лодке. Лицо оставалось в отражённом свете.

Максим схватил техника за куртку и подтолкнул к границе.

— Вперёд.

— Он живой!

— Тогда выйдет следом и назовёт себя.

Техник сопротивлялся, потому что верил: он бросает напарника.

— Посмотрите на меня. Я вас нашёл. Сейчас ваша цель — вернуться и рассказать, что видели. Согласны?

— А если он останется?

— Я отвечу за то, что видел. Сомов — за ваш вход. Решение принимаете вы.

Белая фигура сделала ещё шаг.

— Согласен.

Максим протолкнул техника через границу, и натянутый шнур потащил его следом. Перед выходом он обернулся: человек в белом пальто всё ещё стоял между валунами. Лицо было знакомым, но волна толкнула в грудь, и берег исчез.

Максим упал на музейный пол рядом с техником. Сомов тащил линию обеими руками, упираясь ботинками в колонну.

— Все целы? — спросил он.

— Зависит от требований к целости.

— Можешь говорить глупости. Значит, пока годен.

Техник снял мокрую куртку. На полу воды не было, но от одежды пахло Амуром, а в кармане лежала речная галька.

— Где Сергей?

— В зале никого не было, — сказал Сомов.

— Он шёл со мной.

— Вы видели его только на мониторе, — напомнил Максим.

— Я видел его у лодки.

— Там стоял человек в белом пальто.

Техник нахмурился.

— На Сергее была рабочая куртка. Серая, с нашивкой музея.

На записи пальто было белым.

Телефон Максима завибрировал. Лиза прислала сообщение: «Поток скачан. Систему не выключать. Комиссия получила уведомление».

— Быстро, — сказал Сомов.

— После прошлого раза уведомления стоят на всём, что меняет число людей в помещении.

— Полезная система. Сначала придумывает лишнего человека, потом жалуется на переполнение.

Техник поднялся. Его трясло, но от предложенного стула он отказался.

— Я должен позвонить жене.

— Позвоните. Скажите, где вы и что задержитесь.

— Вы думаете, я не помню номер?

— Я пока ничего не думаю.

Техник набрал номер вручную и попытался пошутить насчёт внепланового купания. Потом назвал жену по фамилии. Сомов перестал сматывать линию.

Женщина в трубке ответила громче. Техник повторил фамилию, после паузы назвал другую и закончил разговор.

— Она решила, что я издеваюсь. Из-за оговорки.

— Какая фамилия была первой? — спросил Максим.

Техник ответил.

— Девичья?

— Да. Пятнадцать лет назад. Но она так записана у меня в телефоне.

На экране стояла нынешняя фамилия.

Техник несколько секунд смотрел на контакт.

— Я устал. Мне нужно домой.

— Пока нельзя, — сказал Максим.

— На каком основании?

Он хотел знать, кто получил право задержать его после чужой ошибки. Максим не стал отвечать так, будто перед ним не человек, а источник угрозы.

— На основании риска повторного перехода до проверки, — сказал Сомов. — Я подпишу ответственность за наблюдение, если вы останетесь здесь.

— Почему вы?

— Потому что видел, как вы вошли и как вернулись. Это единственное, что я могу подтвердить без вранья.

Техник посмотрел на витрину. В ней снова отражался зал. У правого края стекла оставалась влажная полоса.

— Я вернулся собой.

— Возможно, — ответил Сомов.

— Что значит «возможно»?

— Я не стану говорить больше, чем видел.

После недавней сверки Сомов имел основания требовать доверия. Вместо этого он отказался выдать удобное подтверждение человеку, которого помог спасти.

— Я помню жену, работу и этот зал, — сказал техник. — Могу назвать все номера в витрине.

— Не надо, — остановил Максим. — Мы не будем устраивать экзамен на вашу жизнь.

— А что будете?

— Запишем ваши слова и позовём человека, которому вы доверяете. До его приезда сможете отказаться от вопросов.

— Комиссия тоже сможет отказаться от вопросов?

— Сомневаюсь.

— Тогда хоть что-то в городе осталось надёжным.

Сомов принёс бутылку воды и проверил крышку. Техник усмехнулся, но ничего не сказал.

Максим открыл форму первичного акта. Система указала четырёх участников.

— Нас было трое, — сказал Сомов.

— Камера считает белое пальто.

— Уберите.

Поле не редактировалось. Внизу формы уже стояла зелёная отметка: «Возвращение подтверждено».

— Это ты поставил? — спросил Сомов.

— Нет.

— Тогда акт не подпишу.

— Нам нужен статус, чтобы оставить техника под наблюдением.

— Пишите промежуточный. Камера врёт о числе людей. Чистого акта не будет.

Максим хотел возразить, но остановился. Сомов делал то, чего он сам не сделал у витрины: отказывался подменить неизвестное удобной записью.

— Оставляем статус открытым, — сказал Максим.

Техник поднял бутылку.

— Рад, что моя личность сегодня работает по сокращённому графику.

— Музей уже закрыт, — ответил Сомов. — Вписались в расписание.

Лиза позвонила через минуту.

— Я подняла исходный поток. Фигура появляется за девять секунд до того, как техник подходит к стеклу. Камера действительно считает её участником.

— Лицо видно?

— На одном кадре. Отправила. И да, комиссия уже забрала копию. Ратникова едет к вам.

Максим открыл файл. Техник стоял перед витриной и ещё не протянул руку. За ним человек в белом пальто ладонью направлял его вперёд.

— Увеличь, — сказал Сомов.

Изображение рассыпалось на квадраты, потом собралось. Белая фигура повернула голову к камере.

Лицо принадлежало Максиму. На плече техника лежала его рука.

Глава 2. Вторая подпись

Лиза остановила запись на кадре, где человек в белом пальто касался плеча музейного техника. Лицо Максима занимало половину экрана, но пиксели у левого глаза расплзались. В соседнем окне электронный журнал музея уверял, что в зале находились четыре человека.

Она свернула журнал, открыла снова и получила тот же результат. Обычной ошибкой это уже не выглядело.

— Четверо, — сказала Лиза. — Осталось выяснить, кто лишний и почему у него лицо нашего сотрудника.

Из динамика ответил Максим:

— Я слышу.

— Ты должен сидеть в музее и не отходить от техника.

— Я сижу в коридоре. Между нами открытая дверь и Сомов, который считает три метра опасным расстоянием.

На фоне Сомов сообщил, что опасным он считает самого Максима.

Лиза увеличила шкалу времени. Белая фигура появилась в 21:18:06. Журнал зарегистрировал четвёртого посетителя в ту же секунду. Две независимые системы отметили фигуру одновременно. Такое совпадение выглядело подозрительно.

Медицинский датчик на запястье техника показал скачок пульса только через пять секунд. Температура кожи снизилась ещё позже, когда его рука вошла в стекло.

— Камера и журнал знали о фигуре заранее, — сказала Лиза.

— Значит, оба заражены?

— Или это давно не два источника.

Она проверила служебные адреса. Камера и счётчик у входа обращались к разным узлам, но ответ получали с одного старого сервера. Семь лет он числился отключённым, однако продолжал обрабатывать запросы.

— Разные окна, одна запись, — сказала Лиза. — Отключать нельзя. Потеряем исходный поток, а комиссия решит, что мы помогли доказательствам исчезнуть.

— Оставляем включённым.

Видео и журнал совпали даже там, где должны были хранить разные данные. Медицинский датчик не совпадал с ними и дважды терял связь, но именно поэтому выглядел честнее.

Лиза отправила вывод Максиму и открыла акт возвращения. Техник числился человеком с неопределённым статусом. Система требовала выбрать: «личность подтверждена» или «опасное расхождение».

Она нажала «отложить решение» и приложила служебный ключ. На экране появилось предупреждение: «Участник с неполной цифровой записью не вправе заверять непрерывность личности».

— Личность у меня неполная, — сказала Лиза, — а обязанности почему-то помещаются целиком.

Технический вывод система приняла, но к акту не присоединила. Для городского реестра работа Лизы существовала отдельно от человека, которому могла помочь.

— Попроси Виктора, — предложил Максим.

— Он на выезде. Ратникова уже едет сюда и будет рада узнать, что Дом подготовил ей происшествие к концу рабочего дня.

— У неё рабочий день заканчивается?

— Только по решению комиссии.

Лиза обновила акт. Под подписью Максима появилась ещё одна: «Максим Логинов». Первая отмечала его вход и возвращение. Вторая стояла в поле свидетеля. Время подписи ещё не наступило: 03:17 следующего дня.

— Открой свой экземпляр акта, — сказала Лиза.

Через несколько секунд Максим ответил:

— Вижу.

— Вторую подпись ставил?

— Нет.

— В 03:17 собираешься?

— Я собирался спать.

— В реестре уже назначено другое.

Сертификат подписи относился к старому профилю Максима, закрытому до создания Дома смотрителей. В поле основания стоял номер, которого не было в нынешнем реестре переходов. Лиза записала его на бумаге. Цифровой файл больше не казался надёжной опорой.

Через минуту в техническую комнату вошла Ратникова, сняла плащ и положила на стол служебную папку. За пять недель председатель комиссии привыкла появляться в Доме без сопровождения, но гостьей не стала.

— Где акт? — спросила она.

Лиза повернула монитор.

— Выбирает между ложью и обеспечительным изъятием человека.

— Для документа формулировка не годится.

— В документе будет скучнее. Камера и журнал зависят от одного заражённого узла.

Телесные данные четвёртого участника не подтверждают.

Ратникова просмотрела адреса.

— Сервер отключали?

— Нет. Гостевой доступ комиссии уже открыт. Административный получите после копирования накопителя в присутствии музея.

— Вы научились говорить со мной моими словами.

— Обычные вы иногда не слышите.

— Обычные слова редко содержат порядок доступа.

Она дошла до будущей подписи.

— Это видел ещё кто-нибудь?

— Максим и я. Теперь вы. Сомов занят техником.

Ратникова связалась с музеем и попросила мужчину назвать текущую дату, затем подтвердить, что он остаётся под наблюдением добровольно. На вопрос о жене техник отвечать отказался.

— Отказ зафиксирован, — сказала Ратникова. — Давить не будем.

Лиза посмотрела внимательнее. Раньше комиссия могла объявить отказ признаком риска. Теперь Ратникова приняла его без спора, хотя выглядела так, словно уже знала цену решения.

— Мне нужен временный порядок до полуночи, — сказала она. — Иначе следующий вернувшийся автоматически попадёт под обеспечительное изъятие.

— Людей нельзя складывать на полку до выяснения.

— Поэтому я здесь, а группа изъятия не в музее.

— Великодушие отмечу мелким шрифтом.

— Отмечайте разборчиво.

Лиза открыла Контур отказа, созданный после Палаты Сверки. На экране появились три самостоятельных ответа: «подтверждаю», «отказываюсь», «не знаю».

— Вернувшийся сам выбирает, на какие вопросы отвечает, — сказала она. — Свидетель подтверждает только увиденное. Ответ «не знаю» не считается нарушением и не заполняется системой.

— Кто отвечает до проверки?

— Каждый за свою часть. Один человек не подписывает всё возвращение.

— Слишком много владельцев решения.

— Зато они живые.

— Срок?

— Шесть часов. Потом открытая сверка.

— Кто заверяет запуск?

Лиза вставила ключ. Система снова отказалась признавать её статус достаточным.

— Вот лучшая часть, — сказала она. — Я могу создать порядок, но не могу подтвердить, что существую достаточно полно для его применения.

— Вы хотите мою подпись.

— Я хочу, чтобы вы заверили право ответить «не знаю». Не мою личность и не весь Дом.

— Тогда комиссия получает уведомление о каждом возвращении.

Лиза посмотрела на вторую подпись Максима. Цена была неприятной, но ясной. Без внешнего уведомления система снова назначит свидетеля сама.

— Получает. Уведомление не даёт вам права считать человека опасным объектом.

— Запишем прямо.

— И введём запрет на одиночную проверку швов.

Ратникова подняла голову.

— Дом согласится?

— Сегодня Дом уже положился на камеру. Теперь будет сговорчивее.

Лиза вызвала Максима. Тот выслушал условия и не предложил взять весь риск на себя.

— Вводи, — сказал он. — Я подпишу запрет для полевой группы.

— Одной подписи мало.

— Попрошу Сомова. Если откажется, найдём второго человека и дождёмся согласия.

Лиза заметила перемену, но обсуждать её было некогда.

Ратникова внесла срок и ограничение полномочий комиссии, затем подписала строку: «Ответ „не знаю“ допустим и не создаёт презумпции угрозы».

Через несколько секунд акт техника сменил статус на «возвращение под живым наблюдением». Поле опасного расхождения стало недоступно до утренней сверки.

— Сработало, — сказала Лиза.

— Не радуйтесь раньше времени.

— Я не радуюсь. У меня лицо такое.

— Поэтому я и предупредила.

Ратникова отправила порядок в музей. Техник выбрал «не знаю» на вопрос о человеке в белом пальто. Система приняла ответ и больше не пыталась дописать имя.

Через десять минут Сомов вошёл в архив с серой картонной папкой под мышкой. Оставить её у входа он отказался.

— Сегодня бумажная запись надёжнее техники, — сказал он. — Поэтому папка останется у меня до свидетелей.

— Нас трое, — ответила Лиза. — Максим подключён по защищённой связи.

— Значит, четверо. Камеру считать не будем: в её записи уже появился лишний знакомый.

Максим появился на настенном экране. За его спиной техник пил чай в музейном коридоре, рядом дежурила сотрудница музея.

Сомов достал старый лист с датой и именем Максима. В нём кратко описывался ранний переход через шов. Утром поле свидетеля оставалось пустым. Теперь там стояла подпись.

— Я храню лист с тех пор, как меня признали закрытым событием, — сказал Сомов. — Утром показывал Максиму. Подписи не было. После музея появилась.

Лиза не коснулась бумаги. Она сняла её отдельной камерой без сетевого доступа и попросила всех вслух подтвердить увиденное.

— Подпись Сунь Чжоу, — сказала Ратникова.

Максим приблизился к экрану.

— Его там не было.

— Вы уверены? — спросила Ратникова.

— Меня выводил Сомов. Сунь Чжоу узнал о переходе позже.

— Я бы запомнил ещё одного человека, — добавил Сомов. — Особенно такого, который любую ошибку объясняет необходимостью.

Лиза сверила номер на бумаге с основанием будущей подписи в музейном акте. Совпали все знаки, включая старую косую черту, которой нынешняя система не пользовалась.

— Вторая подпись Максима ссылается на этот переход, — сказала она. — Старый лист стал основанием для нового акта.

— Нынешних реестров тогда не было, — заметила Ратникова.

— Поэтому запись достраивает их сейчас. Заполняет пустое поле и протягивает решение вперёд.

— Связь можно удалить? — спросил Максим.

— Пока нет. Если цифры не сходятся, мы не исправляем одну до удобного результата. Сначала выясняем, кто получил право писать в пустом поле.

Лиза положила рядом чистый лист и от руки записала временный порядок. Ратникова добавила ограничение комиссии. Сомов подтвердил только то, что видел в музее. Максим подписал запрет на одиночный вход.

Внизу Лиза написала: «Не переходи шов без свидетеля». Камерная запись, архивная копия и автоматическая подпись свидетелем не считались.

Ратникова подписала документ первой, Лиза — как автор процедуры. На бумаге остались две подписи; третья так и не появилась.

После переноса порядка в систему Дом зрителей лишился права оставлять сведения о возвращении только в своём журнале. Каждое событие теперь уходило комиссии, а одиночная проверка блокировалась до назначения живого свидетеля.

На экране открылось старое дело Максима. Система нашла владельца пустого поля и вывела строку:

«Действующий свидетель: Сунь Чжоу. Статус: единственный».

Лиза включила связь с оружейной.

— Сунь Чжоу, вы были свидетелем раннего перехода Максима?

Он ответил сразу:

— Нет.

На экране рядом с его именем появилась зелёная отметка подтверждённого свидетеля.

Глава 3. Человек в отражении

Максим начал с калитки. Сторож уже сказал, что музей закрыт, а копии валунов не любят поздних гостей. Замок держался крепко, но на дужке белела свежая царапина от отвёртки.

— Вы всегда сначала обижаете замки? — спросил Сомов.

— Только если замок смотрит виновато.

Сторож пустил их во внутренний двор под расписку. Максим расписался быстро, Сомов вывел фамилию аккуратно, будто буква могла снова записать его не туда.

Двор музея на Тургенева был тесным и ухоженным. С Амуром его связывали только копии валунов. Под навесом стояли бетонные отливки с петроглифами: камень без ветра, личина без воды.

Максим проверил калитку изнутри, проход за навесом и низкую трубу у стены. Если двор сдвинется швом, хорошего выхода не останется.

— Вы ищете опасность или повод сбежать? — спросил Сомов.

— Хорошая проверка должна давать выбор.

— Мне в прошлый раз выбор не дали.

Максим остановился. Оправдание лежало близко: иначе вы бы не вышли. Но это не давало Сомову права на собственную память.

— Сегодня не лезем, пока не поймём, кто зовёт, — сказал Максим. — И кто потом отвечает.

В стеклянной двери появилась фигура у дальней копии валуна. Отражение совпадало со двором, кроме человека в тёмной куртке, похожего на Максима почти правильно.

Фигура стояла боком и смотрела на бетонную личину. Лица у неё не было видно. Плечи, рост, стойка — стекло будто выучило человека по чужому описанию.

Максим поднял фонарь. Отражение подняло руку с задержкой, но направило свет не туда, куда он светил, а к основанию валуна. Максим сделал шаг назад. Фигура шагнула вперёд.

— Запись? — спросил Сомов.

— Запись повторяла бы движение.

— Плохая запись?

— Эта наглая.

Максим включил камеру. На экране фигура распалась в тёмное пятно, потом снова собрала плечи и неправильный разворот головы. Камера не различала лица, а в стекле был виден следующий шаг фигуры.

Он сделал вид, что идёт к крыльцу, но свернул к трубе. Фигура в стекле не поверила обману и сразу оказалась у копии с личиной. Она положила ладонь на место, где у настоящих валунов задерживалась бы вода.

— Она не повторяет меня, — сказал Максим.

— Тогда что?

— То, что я собираюсь сделать.

Максим подошёл к валуну. Бетон был холодным, с аккуратными следами формы. Под личиной не было старой глубины и речного присутствия.

— Руками не трогать! — крикнул сторож.

— У него нос условный, — ответил Максим.

Сомов коротко рассмеялся, а сторож обиделся за археологию. В стекле фигура не смеялась. Она пошла вдоль навеса, но двигалась по двору, которого здесь не было: через лавку, через щит с объявлением, через тень от трубы. Стекло складывало музейную площадку иначе, зато маршрут Максим узнал телом раньше, чем памятью.

Правое плечо потянуло старой болью. Тогда, в раннем шве, они оба ползли, и Сомов бормотал, что смену на мосту нельзя бросать.

— Сомов, смотрите на стекло, — сказал Максим. — Только на маршрут.

— Лица там всё равно нет.

— Вот и хорошо.

Отражение дошло до копии с кругом у основания и повернуло туда, где в стекле двор проваливался вниз, будто под асфальтом открывалась старая лестница. Максим помнил этот спуск: служебный пролёт, вода внизу, железо сбоку. Улица Тургенева не могла иметь такого подвала.

Сомов прищурился, словно проверял уклон рельса, и только после этого побледнел. Лицо у него стало рабочим и неприятно честным.

— Поворот был, — сказал он. — Только не здесь. У опоры. Там труба торчала, я рукав порвал.

— Дальше.

— Вы сказали мне молчать. Я ещё обиделся. Решил, молодой здоровый мужик командует, потому что ему нравится командовать.

— Нравится мне другое. Спать, например.

Сомов снова посмотрел в стекло. Отражение ждало у невидимой лестницы, на месте, где в их общей памяти оставалась дыра с ровными краями.

— Там было железо, — сказал Сомов. — Работало так, будто мороз, хотя морозом и не пахло. Вы сказали: если услышите своё имя, не отвечайте. Я не понял. А потом услышал.

— Чьё имя?

— Моё. Полностью. Андрей Михайлович, как в наряде. Я чуть не ответил.

Максим сжал пальцы на фонаре. Этого в его памяти не было: он помнил только, как ударил Сомова плечом в стену, чтобы сбить его с шага. Сомов подтвердил это коротким кивком. Шутка про талант к людям и стенам сама просилась в разговор, но сейчас лучше было не прятаться за неё.

Отражение провело их через красную лампу, которой в музее была табличка «Копии петроглифов. Руками не трогать». Сомов узнавал маршрут кусками.

— Здесь не помню, — сказал он. — Вы меня тащили и ругались.

— Я ругался?

— Культурно. На шов и на мою должностную инструкцию.

Максим хотел спросить дальше как следователь, но вовремя остановился. Старый способ защиты снова тянул всё к управлению. Сейчас так нельзя.

— Расскажите без удобных сокращений, — сказал он. — Что было после красной лампы?

Сомов отвернулся от стекла, потом сам заставил себя снова посмотреть. Сторож за дверью что-то писал в журнале.

— Я видел берег, — сказал Сомов. — Камни. На одном была личина. Не такая, как здесь. Рядом с ней стало ясно, что меня запоминают. Не по документу. Всего сразу, даже то, что я сам бы вычеркнул.

— И вы хотели остаться.

— Да. Дома тогда всё разваливалось. Жена уехала, сын отвечал через раз, на работе проверка. А на том берегу можно было просто сесть и перестать быть Андреем Михайловичем, который всем должен.

Максим не нашёл быстрого ответа. Он привык считать Сомова спасённым свидетелем, а не человеком, которого выдернули из одного долга и вернули в другой. Максим по-прежнему считал спасение правильным. Теперь он видел и его цену.

— Я не знал.

— Я не сказал.

— Потому что я командовал?

— Потому что вы были уверены, что я хочу обратно.

Максим кивнул. В стекле фигура положила ладонь на грудь, потом указала вниз, туда, где отражённый двор уходил к несуществующей воде. Маршрут был не подделкой. Он показывал место, где свидетельство оборвалось раньше правды.

Максим достал Камень Звезды из внутреннего кармана и присел у основания копии. При стороже и музейных табличках действие выглядело особенно глупо: взрослый мужчина прикладывает личный булыжник к бетону. Сомов с уважительным недоверием посмотрел на чехол. Камень Звезды и раньше отвечал не всегда.

Максим приложил Камень Звезды к основанию валуна. Кристалл остался обычным: холодным, тяжёлым, чуть шершавым. Ни тепла, ни звука. У других копий результат не изменился.

— Пусто? — спросил Сомов.

— Не пусто. Честно. Копия не врёт, что она оригинал. Но она не свидетель.

Сомов долго смотрел на бетонный валун. В его лице появилось облегчение. Музей хранил изображение и форму, но не присутствие у Амура. Копия могла показать личину, но не могла вспомнить берег.

Стеклянная дверь изменилась без вспышки. Сначала пропал сторож, потом погасла табличка у него за плечом. Вместо коридора в стекле проступил настоящий берег: тёмная вода, влажный песок между валунами, камни у кромки. Ветер там шевелил траву, хотя во дворе ничего не двигалось.

Сторож изнутри постучал по стеклу. По его лицу было видно, что для него за дверью по-прежнему коридор и журнал. Чем меньше людей это видит, тем меньше завтра придётся объяснять.

Отражение стояло уже не в музейном дворе, а на берегу. Оно подняло руку. Не открывая рта, направило их вниз по течению, туда, где Сикачи-Алян становился дорогой.

— Это тот берег, — сказал Сомов. — Или очень похожий.

— Похожесть больше не принимаем.

Между дверью и двором появилась щель, будто отражение отстало от стекла на ширину ладони. Воздух у крыльца сжался, давление ударило в уши. Максим шагнул вперёд раньше, чем успел решить: догнать и взять риск на себя.

Сомов поймал его за локоть и не отпустил. Ладонь у него дрожала, зато держала крепко.

— Вы туда собирались.

— Да.

— Тогда я свидетель.

— Вы свидетель прошлого перехода. Не этого.

— Удобно. Когда надо было меня вытащить, я подходил.

Максим почти ответил жёстко, но остановился. Сомов не спорил ради упрямства; он не хотел снова стать спасённым предметом в отчёте.

— Вы подходите, — сказал Максим. — Но стекло показывает берег через копию. Камень не ответил. Я не знаю, кто получит выгоду, если я войду.

— А если это шанс?

— Тогда я сейчас его теряю.

Фигура на берегу снова указала вниз по течению. Она давила точно: покажи Максиму опасное место, и он сам полезет туда один. Именно так защита превращалась в контроль.

Максим достал телефон, включил запись и положил его на бетонный бортик. Экран отразил стекло, валун и его руку.

— Максим Логинов. Музей археологии, внутренний двор. Вижу возможный шов через стеклянную дверь. В переход не вхожу: нет надёжного свидетеля, копии не подтверждают берег, Камень Звезды не дал ответа.

Сомов наклонился к телефону и назвал себя полностью. Голос у него дрогнул на отчестве, но дальше стал твёрже.

— Подтверждаю отказ. И подтверждаю, что Логинов очень хотел полезть, но удержался. Максим покосился на него, но спорить и вычёркивать фразу из записи не стал.

Стекло дрогнуло. Фигура опустила руку. На миг её поза показалась злой, но Максим одёрнул себя: он не знал, умеет ли отражение злиться.

Дверь распахнулась изнутри. Обычная петля пискнула, и берег в стекле смялся, как вода под ладонью. В коридоре пахло бумагой и дешёвым чаем.

— Мужики, музей закрыт, — сказал сторож. — Если ещё раз приложите к экспонату личный булыжник, я вызову директора. Он знает слово «инвентаризация».

— Мы закончили, — сказал Максим.

— Вот и идите, пока я добрый.

Сомов забрал телефон с бортика и отдал Максиму. Руки у него слегка дрожали, но взгляд стал твёрже. Он уже не выглядел человеком, которого можно просто внести в графу «спасён».

Они вышли на улицу Тургенева. Ночной Хабаровск держался за обычную жизнь: машина прошла по мокрому асфальту, из подъезда пахнуло жареным луком.

— Значит, Сикачи-Алян? — спросил Сомов.

— Да. Настоящий берег и Ходжер, если согласится разговаривать.

У машины Сомов остановился и посмотрел на тёмный двор за калиткой. В стекле музейной двери с улицы уже не было ничего особенного. Только блик лампы и бетонные копии под навесом.

— Максим, — сказал он. — В прошлый раз я правда хотел остаться на берегу. Но сейчас рад, что вы меня вытащили.

Максим убрал Камень Звезды в карман. Шутка просилась сама, но он не стал прятаться за неё. Сегодня свидетеля не использовали как оправдание для нового риска.

— Завтра расскажете всё ещё раз. С тем, что не украшает свидетеля.

Сомов рассмеялся уже нормально, без осторожности. Максим завёл машину и не сразу тронулся. Его всё ещё тянуло назад, к стеклу и берегу, но рядом сидел человек, который помнил половину маршрута.

Когда машина отъехала от музея, двор снова стал пустым. Сторож запер дверь, потёр ладонью стекло изнутри и ушёл к своему журналу. На запотевшей поверхности снаружи задержалась фигура, которой уже нечего было отражать. Она подняла палец и вывела одно слово. Стекло снова затянуло паром, но надпись осталась: Улун.

Глава 4. Память дежурного

Виктория вошла в палату в половине девятого и увидела, что дежурный техник разобрал защёлку на тумбочке. Пружина лежала на подоконнике, винты он выстроил на салфетке, погнутый язычок зажал между двумя монетами. После ночи за музейным стеклом человек первым делом решил починить мебель. Он поднял голову и показал на тумбочку.

— Она сама открывалась. У вас здесь всё с характером?

— Только мебель. Люди проходят проверку.

— Очень обнадёживает.

Камеру под потолком развернули к стене. Ратникова согласилась после спора и потребовала письменную запись беседы. Виктория села у окна, положила блокнот на колени и заметила, как техник трёт большим пальцем обручальное кольцо. Ночью его снимали для осмотра. Утром мужчина проверил гравировку, узнал дату и всё равно попросил позвать жену.

Он спросил, можно ли ему продолжить. Виктория решила, что речь о защёлке, но техник имел в виду свою жизнь. С тумбочкой, по его словам, он почти закончил.

— Я не буду проверять девичью фамилию вашей жены и цвет дивана, — сказала Виктория. — Эти ответы можно получить из записи. Расскажите о решении за последнюю неделю, после которого пришлось менять планы.

— Я взял три дня за свой счёт и поехал к матери. Давление поднялось. Остался, пока врач не сменил таблетки, потом починил кран.

— Почему поехали сами?

— Жена предлагала вызвать помощника. Мать чужих не пускает. Мы поругались. Она сказала, что я всегда бросаю всё ради матери. Я возразил, вспомнил несколько случаев и замолчал.

— Разумно.

— Поздно. Сначала я был женатым человеком.

Она записала ответ дословно. Шутка не доказывала правду, но мужчина не повторял подготовленный текст.

В выписке с работы значилось, что за последнюю неделю техник не пропустил ни одной смены. Никакого обмена с коллегой тоже не было. Стиральную машину, доставку которой он якобы отменил, привезли в среду. В накладной стояла его подпись.

При этом детали поездки совпадали с реальностью. Техник помнил прикипевшую гайку и белый фен с красной кнопкой, которым сантехник нагревал металл. Такой фен был на фотографии из телефона жены. Снимок сделали шесть дней назад в квартире его матери.

Виктория спросила о лекарстве. Мужчина назвал старое, задумался и поправил себя: врач добавил другое, название начиналось на «л», но точнее он не помнил. Отказ от точности оказался полезнее совпадений.

— Когда вы вернулись домой?

— В пятницу. Жена спросила, почему я называю её старой фамилией. Я ответил, что она всегда была под ней. Потом мы решили отложить разговор.

— Вы понимаете, что в документах она носит вашу фамилию девять лет?

— Свидетельство настоящее. Я это понимаю. Но память тоже настоящая.

Он не спорил и не просил поверить ему на слово. Для него эти три дня были прожитой жизнью. Если назвать их ошибкой, часть человека исчезала вместе с отметкой. Если признать без проверки, неизвестная память получала право распоряжаться семьёй.

Виктория сообщила, что пригласит жену и любой из них сможет остановить разговор. Техник спросил, что будет, если та откажется считать его мужем.

— Это будет её решение о ваших отношениях. Оно не ответит за весь город, кто вы.

— Очень хочется простой ответ.

— Простые ответы закончились вчера у витрины.

Он посмотрел на разобранную защёлку и попросил хотя бы собрать её. Виктория разрешила, но предупредила, что тумбочка останется в палате.

— Я уже понял, как у вас оформляется доверие, — сказал техник и взял отвёртку.

Жена вошла через двадцать минут. У двери она задержалась, хотя стул для неё стоял рядом с кроватью. Техник поднялся, но не пошёл навстречу. Виктория заранее попросила его не сокращать расстояние без приглашения.

Они поздоровались, словно встретились в учреждении после долгого рабочего дня. Жена села и оставила сумку на коленях. Ремень дважды обмотала вокруг ладони.

— Я не прошу вас опознать мужа, — сказала Виктория. — Нужно понять, какие части его памяти связаны с реальными событиями.

— После этого вы его отпустите?

— Я не знаю.

Жена немного ослабила ремень и перевела взгляд на мужа. Техник рассказал про три дня у матери. Жена подтвердила, что давление действительно поднялось во вторник. Она собиралась позвонить мужу, но он сам увидел сообщение соседки.

— И поехал, — сказал техник.

— Ты отказался. Сказал, что не можешь бросить музей перед проверкой. Я поехала сама.

— Я нашла капающий кран и дождалась сантехника. Фотографию фена отправила тебе.

— Я ответил, что прокладка дешевле.

— Да. Ты помнишь мою поездку так, будто поехал сам.

Мужчина отошёл к окну и упёрся ладонями в подоконник. Он помнил, как мать поставила электрический чайник и забыла нажать кнопку. Жена напонила: серый чайник сгорел два года назад, и муж сам отвёз его в сервис. Теперь у матери стоял обычный, для плиты.

— Тогда откуда я помню красную лампочку?

— Я не знаю.

Виктория записала ответ и показала обоим. Жена прочитала и кивнула. Незнание впервые получила честное место в записи.

— В моей памяти ты не меняла фамилию. Ты хотя бы веришь, что я это помню?

— Верю. Но домой сразу не пушу.

Он пообещал, что не причинит ей вреда. Жена напонила о требовании доказать их брак. Техник поправил: он лишь попросил принести свидетельство.

— Ты защищал свою память. Теперь дай мне защитить мою.

Он хотел ответить, но промолчал. Жена попросила дать ей несколько дней. Она поживёт у сестры, а он останется в другом месте. Потом они поговорят снова.

Техник напонила, что квартира принадлежит и ему. Жена ответила, что поэтому не меняет замки. Он назвал это великодушием, и она наконец рассердилась по-настоящему.

— Не начинай. Ты десять лет утверждаешь, что не умеешь гладить рубашки. Если стекло собрало другую версию, могло выбрать более полезную.

— Я умею. Просто плохо.

— Вот. Узнаю.

Они улыбнулись, но ближе не стали. Жена сказала, что не считает его копией. При этом вести себя так, будто ничего не случилось, она тоже не будет. Техник согласился на несколько дней и пообещал не ехать к матери без предупреждения. Та уже собиралась освятить квартиру, а заодно музей, если её пустят.

— Она всё равно позовёт отца Геннадия, — заметил он.

— Тогда пусть он сначала починит кран.

В коридоре жена разжала пальцы. На ладони остались красные полосы от ремня. Она призналась, что муж говорит почти так же и шутит именно там, где лучше бы молчал. Это не успокаивало.

Виктория спросила, готова ли она подтверждать только увиденное и признавать, когда ответа нет. Женщина немного подумала, прежде чем согласиться.

— Я не знаю, мой ли это муж во всём. Но это человек, который помнит нашу жизнь. Часть иначе. Я не позволю записать его вещью.

Виктория занесла слова в блокнот и дала ей прочитать. Жена исправила одно слово, затем поставила подпись.

Ратникова ждала в кабинете директора музея. Она придерживала кнопку неисправного чайника и читала проект заключения.

— Здесь нет вывода.

— Техник понимает вопросы, замечает сомнение и отвечает за свои действия.

— Это описание беседы. Мне нужен статус.

— Для такого случая статуса нет, — сказала Виктория.

— Тогда выберите ближайший.

— Ближайший объявит его подлинным или подменённым. Ни одна версия не доказана.

Ратникова отпустила кнопку, и чайник замолчал. Чай снова пришлось отложить.

— Если отпущу его и он причинит вред семье, отвечать будет комиссия.

— Если объявим подменой без основания, вред уже причинит комиссия.

Ратникова положила перед Викторией два бланка. В первом значилось «личность подтверждена», во втором — «несоответствие личности». Председатель постучала ногтём по столу между двумя бланками.

— Закон не умеет жить между двумя клетками.

— Значит, сегодня научится.

— Вы предлагаете создать статус от руки в кабинете с неисправным чайником?

— Чайник выдержал больше проверок, чем эти бланки.

Ратникова взглянула на прибор и велела не использовать его в официальном обосновании. Виктория не обещала.

Председатель комиссии перечеркнула оба заголовка. Ниже появилась новая строка: «Возвращённый с расхождением памяти. Промежуточный статус до повторного свидетельства».

Техник временно лишился доступа к музейной системе. Комиссия оплачивала ему комнату на три дня. Общение с женой допускалось по её согласию, наблюдение оставалось добровольным.

— Ответственное лицо? — спросила Ратникова.

Виктория посмотрела на пустую строку. Подпись превращала осторожность в личный риск.

— Я.

— Вы не сотрудник комиссии.

— Поэтому рядом подпишетесь вы.

— Вы хорошо умеете делиться ответственностью.

— Учусь у документов. Они всегда находят место для второй подписи.

После вчерашней подписи Максима с будущим временем шутка прозвучала хуже, чем Виктория рассчитывала. Она взяла ручку, но не подписала. Сначала требовалось закрепить, что именно комиссия признаёт свидетельством. Иначе при следующем переходе камера снова окажется убедительнее человека.

— Формулируйте, — сказала Ратникова.

— Свидетель говорит только о том, что видел сам. Отвечает за последствия своих слов и может признать, что не знает.

Ратникова записала последнюю часть и добавила: «Ответ „не знаю“ не является отказом от сотрудничества». Она предупредила, что такого критерия мало для решения о личности.

— Для решения мало, — согласилась Виктория. — Для честного начала достаточно.

Если показания расходились, расхождение должно было оставаться в деле. Его нельзя убирать ради удобного итога. Ратникова приняла это условие и разрешила временный совместный протокол до первого подтверждённого случая вреда. Виктория настояла: после такого случая порядок пересмотрят, но человека не объявят виновным задним числом.

Они подписали документ. Ратникова поставила точное время и не сразу убрала ручку. Теперь при ошибке её фамилия тоже оставалась в деле.

Перед уходом Виктория вернулась в палату с фотографиями, которые прислала Лиза. На листе были люди, связанные с Домом и старыми переходами.

— Не ищите просто знакомое лицо, — попросила она. — Скажите, узнаете ли человека по событию.

Техник внимательно просмотрел снимки. На Максиме задержался, но покачал головой. Сомова узнал как мужчину со страховочной линией. Потом его палец остановился на Сунь Чжоу.

— Вот он.

Виктория подождала. Техник придвинул фотографию и коснулся лица старого стража.

— Он стоял по ту сторону стекла. Смотрел на меня и ждал, пока я сделаю шаг.

Виктория закрыла блокнот. На снимке Сунь Чжоу смотрел мимо камеры, а палец дежурного лежал точно на его лице.

Глава 5. Долг Сунь Чжоу

Сунь Чжоу снял со стены сигнальный пистолет, проверил пустой ствол и положил оружие на стол. Максим закрыл дверь оружейной. Старший не спросил, зачем он пришёл: фотография дежурного техника лежала рядом с коробкой патронов, а поверх неё — копия старой записи Сомова.

На шкафу висела табличка «Без разрешения не открывать», подписанная самим Сунь Чжоу. Максим однажды спросил, распространяется ли запрет на автора. Старший ответил, что автор знает цену нарушения. Сейчас эта шутка вспоминалась некстати.

— Техник узнал вас, — сказал Максим. — Утверждает, что вы стояли по ту сторону музейного стекла.

— Я прочитал сообщение Виктории.

— И?

— Вчера я в музей не ходил.

— Это я проверил.

Сунь Чжоу взял запись Сомова, но читать не стал. Он подержал лист за угол, словно уже знал каждую строку.

— Тогда почему спрашиваешь?

— Он узнал не фотографию. Он назвал событие.

— После перехода люди называют события, которых не видели.

Максим придвинул лист. Подпись свидетеля появилась на бумаге утром. Рядом Сомов карандашом восстановил маршрут раннего перехода: старый порт, лестница под складом и выход через зеркальную галерею.

— Этот путь вы знаете.

— Знаю.

— Были там со мной?

— Нет.

— Видели, как я выводил Сомова?

— Нет.

Максим указал на знак возле поворота. Две косые линии сходились у короткой черты. Сунь Чжоу наклонился, и его палец остановился над бумагой.

— Этим знаком давно не пользуются.

— Что он означает?

— Живая пара. Один входит, второй помнит цель и ждёт возвращения.

— Свидетель.

— Обязанность. Свидетелем человек становится, когда признаёт вернувшегося и принимает последствия своей ошибки.

— Техник считает, что это были вы.

— Он помнит меня у стекла. Это не делает меня участником перехода.

Максим сел напротив, а Сунь Чжоу начал вычищать нагар из канала. Оружие не использовали несколько месяцев, поэтому работа выглядела способом занять руки.

— Откуда знак на записи?

— Его ставили старые зеркальные стражи.

— Вы были одним из них. Скажите прямо.

Сунь Чжоу отложил шомпол и повернул лист так, чтобы знак оказался между ними.

— Маршрут настоящий. Знак поставлен по старому порядку. Свидетелем твоего перехода я не был.

— А человеком за стеклом?

— Не знаю.

После вчерашней беседы Виктории такой ответ уже нельзя было считать уклонением. Максим всё равно разозлился. Сунь Чжоу столько лет учил остальных отвечать точно, что теперь не мог прятаться в допустимой неопределённости.

— Вы не знаете, где были?

— Я знаю, где находилось моё тело. Что могло остаться в шве, пока открытый вопрос.

Старший второй раз проверил пустой ствол. Обычно ему хватало одного, и Максим отметил ошибку, которой Сунь Чжоу при других обстоятельствах не допустил бы.

— Покажите архив.

— Сначала ответь, что Дом заплатит за содержимое.

— Это не торговля.

— Знание о переходе меняет право распоряжаться людьми. Цена есть всегда.

— Чего вы хотите?

— Если запись покажет нарушение старших, её передадут комиссии?

Максим помолчал. После музейного случая Дом и так потерял возможность закрывать происшествия внутри. Но в старом архиве хранились решения, за которые никто не отвечал публично.

— Передадим часть, связанную с нынешними швами.

— Удобно.

— Полный архив комиссия заберёт вместе с Домом.

— Возможно.

— Вы этого хотите?

— Хочу услышать, где проходит твоя граница.

Максим положил ладонь на запись и прижал загнутый край.

— Если старое нарушение создаёт угрозу сейчас, мы его откроем. Даже если придётся отстранить руководителя стражей.

— Включая меня?

— Включая вас.

— А себя?

— Тоже.

— Ты всегда первым предлагаешь себя. Это не щедрость, Улун. Иногда так проще не спрашивать остальных.

Максим убрал руку. Марина говорила ему почти то же самое после каждого решения идти первым, только обходилась без полевого имени.

— Я пришёл не обсуждать себя.

— Поэтому и обсуждаем. Галерея проверяет, кого человек считает допустимой потерей.

— Вы решили, что я не пройду?

— Я решил задать вопросы до входа. Это экономит бинты.

Сунь Чжоу вернул пистолет в крепление, снял со стены связку ключей и выбрал самый маленький. Остальные ключи он повесил обратно.

— Три вопроса. Потом решу, открывать ли архив.

Они вышли из оружейной. Сунь Чжоу остановился у лестничной площадки. За щитом пожарной сигнализации скрывалась узкая дверь. Максим считал, что там проходит кабельный канал.

— Первый вопрос. Что ты оставил у входа при раннем переходе с Сомовым?

— Часы. Положил на вторую ступень циферблатом к стене. В шве стрелка шла назад.

Сунь Чжоу отпер первый замок и провернул ключ до упора.

— Кто закрыл нижнюю решётку?

— Сомов. Я держал створку, он вставил железный штырь.

— В его записи наоборот.

— У него была рассечена голова.

— Это объяснение. Не доказательство.

Старший открыл второй замок и задержал ключ в скважине.

— Что было написано на обратной стороне указателя у четвёртого поворота?

— «Свидетель остаётся на берегу».

Ответ пришёл раньше, чем Максим представил коридор. Он увидел серую табличку и свои пальцы на ржавом кронштейне, но воспоминание сразу оборвалось. Максим не помнил четвёртого поворота.

— Повтори, — сказал Сунь Чжоу.

Максим повторил. Старший вынул ключ, но дверь пока не открыл.

— Сомов не видел надпись. Он прошёл другой стороной.

— Значит, увидел я.

— Когда?

Память возвращала лестницу, воду под настилом и тяжесть Сомова на плече. Таблички там не было.

— Не помню.

— Но ответ знаешь.

— Вы тоже.

— Из маршрута, по которому ты, согласно нашим записям, не ходил.

Сунь Чжоу открыл дверь. За ней начиналась кирпичная лестница. На нижней площадке горела обычная лампа с металлической сеткой.

— Удобно, — сказал Максим. — При тревоге можно выбирать между архивом и огне-тушителем.

— Огнетушитель ближе.

— Значит, архив ценнее.

— Значит, его тяжелее вынести.

Внизу Сунь Чжоу приложил ладонь к железной двери. Замок открылся после того, как старший назвал имя и текущую дату. Максим повторил за ним. Камень в стене на миг стал холоднее и пропустил их.

Закрытый архив оказался меньше оружейной. Вдоль стен стояли плоские ящики, а в центре находился стол, покрытый зеркальным листом. Мутное стекло отражало потолок с небольшой задержкой.

Максим положил рядом запись Сомова. На зеркальном листе свежая подпись отразилась старой, потемневшей от времени. Сунь Чжоу накрыл её ладонью, и отражение исчезло не сразу. Старший заметил задержку, но ничего не сказал.

Он достал из нижнего ящика свёрнутую карту. Её основа напоминала плотную ткань, пропитанную речным илом. По краю шли полевые знаки живых пар.

— Галерея Свидетелей, — сказал Сунь Чжоу. — Здесь отмечены признанные переходы.

— Признанные кем?

— Теми, кто сохранил право говорить после возвращения.

— Очень скромный круг.

— Он никогда не был справедливым.

Карта легла на зеркальный стол. Сначала показался старый порт, затем тёмная дуга рынка отражений. Дальше путь раздваивался. Один рукав шёл к Водяному Дворцу, второй заканчивался у узкого моста над белой водой.

— Счётный мост, — сказал Максим.

— Да.

— Я там не был.

— Пока нет.

— Почему маршрут отзывается на моё имя?

Линия под его ладонью стала ярче. На ткани выступил знак живой пары, но вторая косая черта оборвалась. Сунь Чжоу накрыл его рукавом.

— Галерея хранит только версии, которые стражи приняли действующими.

— Значит, она может ошибаться.

— Может. Но ошибка здесь имеет автора.

Возле отметок стояли два имени. Иногда второе было зачёркнуто и заменено другим. Максим увидел знакомые полевые прозвища, но Сунь Чжоу сразу свернул этот участок.

— Старые стражи входили парами, — сказал он. — Один держал маршрут. Вторым оставался у границы и помнил цель.

— А если времени не было?

— Командир мог разрешить одиночный проход.

— Без свидетеля.

— Да.

— Как называли отправленного?

Сунь Чжоу посмотрел на него и не стал смягчать старую формулировку.

— Приемлемая потеря.

Максим провёл пальцем по оборванной линии. В Доме этих слов не произносили, но действовали по ним всякий раз, когда он вставал у опасного входа и велел остальным ждать.

— Удобно. Потеря заранее согласна, потому что командир так записал.

— Согласия не спрашивали.

— Вы говорите спокойно.

— Я говорю точно. Это ничего не оправдывает.

На карте открылся новый слой. От Счётного моста линия вела к закрытому кварталу Галереи. Рядом стоял знак одиночного прохода: одна косая черта и пустое место свидетеля.

Сунь Чжоу быстро взял карту за край. Ткань смялась у него между пальцами.

— Чей это маршрут? — спросил Максим.

— Старый.

— Имя.

— Сейчас оно не поможет технику.

— Он узнал вас. Моя память содержит ответ с чужого маршрута. Это уже помогает.

Максим протянул руку. Сунь Чжоу не отступил, но сильнее сжал ткань. Между ними оставалось меньше шага. Максим мог забрать карту прежде, чем старший закроет ящик.

— Не делай этого, — сказал Сунь Чжоу.

— Боитесь, что я увижу имя?

— Боюсь, что ты снова решишь: правильная цель даёт право нарушить условие.

Максим остановился. Чтобы забрать карту, Максиму пришлось бы нарушить границу Сунь Чжоу. Отступив, он признавал, что новое правило касается и его.

— Когда вы откроете участок?

— После испытания Галереи.

— Когда?

— Время выберу я.

— Швы множатся сейчас.

— Поэтому человек с неизвестной частью памяти не будет назначать себе проверку.

— Вы говорите обо мне или о себе?

Сунь Чжоу посмотрел на одиночный знак. Его пальцы перестали сминать край карты.

— Обоих.

Он потянул карту к себе, и Максим отпустил её. Старший вынул нож и вырезал участок с одиночным маршрутом. Ткань сопротивлялась, будто внутри проходила проволока. На зеркальном столе остался тёмный прямоугольник.

— Это ваша честность?

— Это отсрочка.

— Похожая на сокрытие.

— Сейчас она им и является.

Сунь Чжоу сложил фрагмент и убрал во внутренний карман. Остальную карту передал Максиму.

— До испытания она останется у тебя. Линия к Счётному мосту нужна для нынешнего дела.

— Лиза восстановит вырезанное по краям.

— Карта не цифровая.

— Это её обычно только радует.

Старший почти улыбнулся, но сразу закрыл ящик. Максим свернул карту и убрал её под куртку.

Впервые Максим увидел в Сунь Чжоу командира, который много лет скрывал одно решение за безупречными правилами. Возможно, старший защищал Дом. Возможно, только своё право командовать. Одна причина не отменяла другую.

— Я согласен на испытание по вашим правилам, — сказал Максим. — После него вы покажете участок полностью.

— Если выйдешь собой.

— Для этого нужен свидетель.

— Нужен. И выбирать его будешь не ты один.

Сунь Чжоу погасил лампу над столом. В свете с лестницы вырванный край карты побелел, и на нём проступили цифры, которых секунду назад не было.

Максим развернул свёрток. Дата шла вдоль свежего среза и совпадала с сегодняшним числом. Сунь Чжоу достал сложенный фрагмент. На его краю продолжалась та же запись, будто карта назначила переход до того, как её разрезали.

Глава 6. Лифт на другую улицу

Марина прижала ладонь к створке лифта, когда та снова попыталась закрыться. Из кабины тянуло речной сыростью, хотя дом стоял в двух кварталах от воды, а на улице было тепло. На панели горела кнопка девятого этажа. Самого девятого этажа в доме не было.

— Держите дверь, — сказала она мужчине в рабочей куртке. — Только рукой не лезьте. У лифта сегодня плохое настроение и нет чувства юмора.

— У нашего лифта его и раньше не было, — ответил мужчина и подставил деревянный клин.

Во дворе ждали жильцы. Управляющая компания отключила питание, но кабина всё равно приехала на первый этаж и открылась. За дверями открылся Зеркальный Хабаровск. Над мокрой мостовой тянулся трамвайный провод, которого в этом районе не было.

У входа Марина развернула складной стол с карточками «Дом—улица». На лицевой стороне человек писал своё имя и квартиру, на обратной — имя того, кого добровольно сопровождал до двора.

— По одному не выходим, — сказала она. — Если не уверены в имени или не готовы отвечать, говорите сразу.

Председатель дома заявил, что знает всех жильцов. Марина предложила ему назвать одного человека, за которого он готов отвечать лично. Остальных должны были выбрать другие.

Она распределила первые пары. Две сёстры из квартиры тридцать один остались вместе, но у подъезда их ждал третий человек.

У стены сидела пожилая женщина в домашнем халате и держала сумку с документами. На её карточке было написано: «Алексей Сергеевич Ковалёв, квартира 47». В списке жильцов такого человека не значилось.

— Это мой сын, — сказала она. — Он поднялся за курткой. Без него я никуда не пойду.

Председатель дома устало потёр переносицу.

— Нина Петровна живёт одна. Сын погиб ещё до её переезда сюда.

Женщина поднялась так быстро, что сумка упала на асфальт.

— Не смейте его хоронить второй раз. Он утром хлеб покупал.

— Я его не видел.

— Вы в семь утра спите.

— Я в семь выгуливаю собаку.

— Ваша собака и днём не знает, что вы с ней гуляете.

Несколько жильцов улыбнулись, но сразу отвели глаза. Марина подняла сумку и вернула хозяйке.

— Когда сын вошёл в лифт?

— Минут сорок назад. Сказал, что с лестницы ноги болят. Он после смены.

— Где работает?

— В порту. На складе.

Председатель покачал головой. По его словам, квартира сорок семь всегда была однокомнатной, а Нина Петровна жила там одна. Соседка с шестого этажа помнила Алексея, но считала, что он уехал в Благовещенск два года назад.

Камеры в подъезде показывали обе версии. На одной записи женщина утром входила одна. На другой рядом шёл высокий мужчина с пакетом хлеба.

Марина не стала показывать видео жильцам. Две убедительные записи не давали ни одного живого ответа.

— Я поднимусь к кабине, — сказала она.

— Одна? — спросил дворник.

— Нет. Вы будете у двери и назовёте мою цель.

Он посмотрел на карточку.

— Найти сына Нины Петровны и вернуть обоих во двор.

— Вернуть его, если он согласится. Не добавляйте за него решение.

Дворник перечеркнул последнюю часть и написал заново. Потом прочитал вслух и поставил подпись.

Марина достала скрипку. Инструмент успел нагреться в футляре, но струны отозвались чисто. Она сыграла короткую фразу, чтобы проверить пространство. Звук вошёл в кабину и вернулся с задержкой. За открытой дверью трамвайный провод дрогнул, а по мокрой мостовой прошла рябь.

— Лифт не закрывать, — сказала Марина. — Если кабина начнёт уходить, клин выбрасываете и отходите. Не держите её телом.

— А вас?

— Меня будете звать по имени. Этого достаточно.

— Очень скромная техника безопасности.

— Остальная обычно выглядит ещё хуже.

Она вошла в кабину и нажала кнопку пятого этажа. Панель показала девятый. Двери сомкнулись, но лифт не тронулся. Вместо гудения двигателя Марина услышала шаги по мокрому камню.

Когда створки разошлись, перед ней была другая улица. Дом стоял на прежнем месте, только его фасад отражался в лужах окнами вниз. У подъезда висела табличка с номером сорок семь, хотя это был номер квартиры.

Мужчина с хлебом ждал у стены. Высокий, седой у висков, в серой куртке. В правой руке он держал связку ключей.

— Алексей Сергеевич? — спросила Марина.

— Мать опять подняла весь дом?

— Она ждёт во дворе.

— Тогда почему я не могу вернуться?

Он показал на подъездную дверь. Замочная скважина принимала ключ, но створка открывалась в тот же подъезд. Мужчина уже трижды поднимался на первый этаж и выходил обратно на зеркальную улицу.

— Как вы обращаетесь к матери?

— Нина Петровна, когда она сердится. Мам, когда я виноват. Ниночка, когда нужны деньги.

— Часто нужны?

— После такой проверки лучше отвечать «не знаю»?

— Только когда действительно не знаете.

— Тогда редко. Но убедительно.

Он говорил спокойно, однако ключи в руке звенели. Марина попросила его назвать цель возвращения.

— Домой.

— Точнее.

— Увидеть мать и понять, почему половина соседей считает меня покойником.

— Это две цели. Выберите первую.

— Увидеть мать.

Марина дала ему чистую карточку. Он написал имя без подсказки и указал квартиру. Почерк совпал с заявлением на замену счётчика, которое управляющая прислала Лизе. Это подтверждало навык, но не личность.

- Вы согласны выйти со мной? — спросила Марина.
- А если там окажется, что у меня нет квартиры?
- Тогда не будем решать это во дворе за пять минут.
- Разумно. Значит, комиссии не понравится.

Он подписал согласие. Марина сыграла первую часть связки. Звук прошёл вдоль стены и вернулся от лифтовой двери. На этот раз кабина стояла там, где должна была быть. Алексей вошёл первым, Марина осталась у порога.

- Нажмите первый этаж.
- Здесь две кнопки с единицей.

На панели и правда появились две одинаковые кнопки. Под одной было выгравировано «дом», под другой — «улица».

- Какую нажимали раньше?
- Дом.
- Нажмите улицу.
- Отлично. Всю жизнь учат обратному.

Он нажал. Лифт дёрнулся вниз, хотя этаж находился на уровне земли. Марина продолжала играть. На втором такте струна отозвалась чужим звуком, словно рядом провели смычком по другому инструменту. Кабина на миг стала шире.

В зеркале у стены отразились три человека: Марина, Алексей и мужчина в белом пальто.

Марина сместила смычок и оборвала чужую ноту. Отражение исчезло. Алексей не обернулся, но его пальцы сжали ключи.

- Там был ещё человек? — спросил он.
- В отражении.
- Я его видел, когда вошёл. Он сказал, что мать ждёт на другой улице.
- Вы поверили?
- Он назвал её имя и наш старый адрес.

Двери открылись во двор. Нина Петровна подошла первой, но остановилась в двух шагах. Алексей вышел и протянул ей хлеб.

- Мам, я куртку так и не взял.
- Женщина посмотрела на пакет, затем ударила сына ладонью по плечу.
- Я тебе сорок минут говорю, что в лифте нельзя ездить.
- Ты говорила, что нельзя ездить с незнакомыми.
- Значит, тот в пальто был знакомый?

Алексей замер. Он не ожидал, что мать знает о человеке за стеклом. Нина Петровна тоже поняла лишнее и опустила руку.

- Я его видела утром, — сказала она. — В зеркале кабины. Думала, сосед.
- Наши соседи так хорошо не одеваются, — заметил председатель.

Марина встала между семьёй и остальными жильцами. Жильцы снова спрашивали, где Алексей был все эти годы. Больше всего их пугали ключи от квартиры, которой в документах у него не было. Женщина с пятого этажа назвала его самозванцем. Другая напонила, как он менял лампу на площадке прошлой осенью.

- Никто не объявляет его подменой, — сказала Марина. — И никто не обязан сразу признать любую память верной. Сейчас проверяем, кто готов отвечать за собственные слова.
- Я отвечаю, — сказал председатель. — Такого жильца нет.
- Вы отвечаете только за то, что сами видели.
- Я видел списки.
- Списки не жили с вами в подъезде.
- Иногда кажется, что именно они и жили.

Марина попросила жильцов отойти от входа. Алексей остался рядом с матерью. Она не брала его за руку, но следила, чтобы он не отошёл.

Ратникова позвонила через минуту и потребовала изолировать Алексея до проверки. Марина ответила, что он согласен на наблюдение, а мать остаётся рядом.

— Семейная связь не подтверждена.

— Изоляция тоже ничего не подтвердит. Дом поставит круглосуточную смену.

Ратникова спросила, не распределила ли Марина добровольцев приказом. Несколько жильцов взяли карточки только потому, что она их раздала.

Марина завершила разговор и объявила прежнее распределение недействительным. Подойти могли лишь те, кто понимал риск ошибки и всё равно соглашался сопровождать конкретное человека.

Дворник остался у входа, но отказался отвечать за председателя. Две сёстры выбрали друг друга. Председатель согласился сопровождать Нину Петровну и отдельно отказался свидетельствовать об Алексее.

За мужчиной согласились наблюдать двое: один помнил его по ремонту трубы, второй не знал раньше и готов был отмечать только нынешние действия.

— Лучший свидетель пока не найден, — сказала Марина. — Эти двое хотя бы не обещают лишнего.

Она снова вошла в лифт. Теперь нужно было закрыть зеркальный этаж. Жильцы остались во дворе, а дворник держал дверь. Марина попросила Алексея назвать цель, с которой он вернулся. Он ответил: увидеть мать. Нина Петровна подтвердила, что ждала именно его, но добавила, что не знает, откуда взялась часть его памяти.

Марина сыграла фразу закрытия. Лифт задрожал, и на панели погас девятый этаж. В зеркале прошла белая полоса. Она дошла до середины и остановилась, будто музыка упёрлась в чужую ладонь.

— Имя, — сказал дворник из коридора.

— Марина Морозова. Закрываю переход, не меняя память вернувшегося.

Полоса сдвинулась. Створки закрылись и открылись уже в обычный подъезд. Запах речной воды исчез. Осталась пыль от тормозных колодок и чья-то забытая луковица в углу кабины.

Марина вышла во двор. Доброволец, сопровождавший женщину с седьмого этажа, стоял у стола и вертел карточку. Его звали Павел. До начала проверки он дважды назвал имя своей соседки и номер её квартиры.

— Кого вы выводили? — спросила Марина.

Павел посмотрел на женщину рядом. Та ждала ответа и уже понимала, что его не будет.

— Максима, — сказал он. — Максима Логинова.

— Вы видели его сегодня?

— Нет. То есть... я уверен, что стоял у подъезда и ждал его.

— В какой одежде?

— В серой куртке. Он принёс хлеб.

Алексей поднял пакет.

Павел провёл рукой по лицу. Женщина с седьмого этажа спросила, помнит ли он хотя бы её фамилию. Он назвал правильно, но продолжал утверждать, что сопровождал Максима.

Марина забрала карточку. На лицевой стороне оставалось имя женщины. На обратной проступала новая строка: «Максим Логинов». Чернила были того же цвета, но почерк Павлу не принадлежал.

Она попросила его сесть и не отвечать на вопросы соседей. Ложный свидетель перешёл из камеры в обычную память человека, который много лет жил рядом с тем, кого должен был помнить.

В лифте щёлкнула панель. Марина подошла ближе. На месте погасшей кнопки девятого этажа появились две одинаковые кнопки с цифрой восемь. Под первой было написано «улица». Под второй — «Максим».

Нина Петровна прочитала надпись и поправила смятый пакет с хлебом. На панели лифта ещё горели две восьмёрки. Никто из жильцов не решился нажать вторую.

Глава 7. Что помнит Марина

Максим снял чайник с плиты за секунду до свистка. В соседней комнате уже спали двое добровольцев после дневной смены, поэтому он прижал крышку полотенцем и поставил чайник на холодную конфорку. Марина вошла следом, положила на стол карточку из дома у старого порта и села, не снимая куртки.

На обратной стороне карточки всё ещё проступало имя Максима. Чужим почерком, поверх имени женщины с седьмого этажа.

— Павел вспомнил ещё что-нибудь? — спросил он.

— Павел уверен, что ждал тебя у подъезда. Помнит серую куртку и хлеб, но не лицо.

— У меня нет серой куртки.

— Есть. В кладовой. Ты называешь её рабочей и не носишь с весны.

Максим достал кружку, налил чай и добавил ложку сахара. Марина посмотрела на него.

— Я пью без сахара.

— После ночных выездов пьёшь с сахаром.

— После ночных. Сейчас вечер.

Он вылил чай в раковину и начал заново.

— Это был контрольный вопрос?

— Нет. Я хотела чай без сахара.

— На контрольный я бы ответил правильно.

— Поэтому обычный вопрос полезнее.

Марина сняла куртку. На запястье осталась красная полоса от ремня футляра. Максим заметил её ещё во дворе, но тогда рядом стояли жильцы, Ратникова требовала изоляции Алексея, а лифт успел отрастить вторую кнопку.

Он поставил перед ней новую кружку.

— Ночную смену возьму я.

Марина сделала глоток, не сводя с него глаз.

— Ты сегодня был в музее, в архиве и у Сунь Чжоу.

— Последнее не работа. Это семейная традиция: старший скрывает карту, младший делает вид, что уважает воспитание.

— Ты ел?

— Да.

— Что?

Максим открыл холодильник. На верхней полке стояла кастрюля с гречкой.

— Гречку.

— Она со вчера не открывалась. Лиза поставила на крышку пломбу, чтобы выяснить, кто врёт про ужин.

На крышке действительно белела бумажная полоска с подписью Лизы. Максим закрыл холодильник.

— Это злоупотребление цифровой неполнотой.

— Это обычная ручка.

— Тем более опасно.

Марина ждала ответа.

— Я не ел, — признал он.

— Сколько спал?

— Два с половиной часа.

— И хочешь взять мою смену.

— Я не поведу людей через шов. Посажу во дворе и смену наблюдателей у Алексея.

— Ты уже придумал, как сделать работу безопасной, но не ответил, почему она должна стать твоей.

— Потому что ты устала.

— Ты тоже.

— Я привык.

— Именно это меня и беспокоит.

Максим достал из кармана сложенную карту Галереи Свидетелей. Дата на вырванном крае так и не исчезла. Он хотел рассказать о ней сразу, но Марина коснулась бумаги и убрала его руку со стола.

— Не сейчас. Ты снова пытаешься заменить разговор работой.

— Работа хотя бы отвечает по существу.

— Карта сегодня уже ответила. Теперь твоя очередь.

Он убрал свёрток обратно.

Марина положила ладони на кружку. За стеной работал старый холодильник и раз в минуту постукивала труба. Дом жил обычными звуками, но Максим всё равно отметил дверь, окно и расстояние до коридора.

— Павел забыл женщину, с которой прожил на одной площадке девять лет, — сказала Марина. — Через пять минут после того, как я назначила его сопровождающим. Я отдала приказ и решила, что получила согласие.

— Ты исправила это.

— После сбоя. Алексей вернулся с памятью, которую половина дома считает чужой. Теперь один доброволец помнит тебя вместо соседки.

— Я понимаю.

— Нет. Ты сейчас снимаешь с меня смену тем же способом. Решил, что лучше знаешь, сколько я выдержу.

Максим сел напротив. Он хотел напомнить о её дрожащих руках после игры, но любой довод возвращал разговор к уже принятому им решению.

— Хорошо. Я предложил плохо.

— Ты предложил привычно.

— Чем они отличаются?

— Плохо можно исправить. Привычно повторяется.

Он отпил чай и понял, что налил себе без сахара. Марина придвинула сахарницу.

— Возьми. Я никому не скажу, что ты человек.

— Поздно. Комиссия уже подозревает.

Он добавил сахар. Спор никуда не исчез, но в кухне стало легче.

— Чего ты хочешь? — спросил Максим.

— Чтобы ночную смену распределила Лиза. Я возьму первые два часа, потом уйду спать. Ты не берёшь ничего до утра.

— А если будет вызов?

— Тогда решаем вместе. Не ты один выходишь в коридор и оставляешь записку.

Максим кивнул. Марина отправила сообщение Лизе. Ответ пришёл сразу: «Уже распределила. Максим отдыхает. Это не обсуждение». Следом появилась фотография пломбы на кастрюле.

— Она следит за нами? — спросил он.

— Она знает тебя.

— Теперь это опасная формулировка.

Марина положила телефон экраном вниз.

— Поэтому я и хочу поговорить ещё об одном.

Максим вымыл кружки, хотя Марина сказала оставить до утра. Когда он повернулся, она стояла у двери.

— Пойдём ко мне, — сказала Марина. — Но сначала ответь честно. Ты хочешь лечь спать или хочешь быть со мной?

— Быть с тобой.

— Даже если я остановлюсь через минуту?

— Да.

— Даже если мы просто уснём?

— Да.

Она подошла и коснулась его запястья. Максим не потянул её к себе. После нынешних швов собственное желание казалось недостаточным основанием для действия.

— Я хочу тебя поцеловать, — сказала Марина. — Сейчас. Ты согласен?

— Да.

Она поцеловала его первой. Стол упирался Максиму в бедро, а холодильник снова застучал, словно возражал.

— Всё в порядке? — спросила Марина.

— Холодильник осуждает.

— Он видел хуже. Лиза размораживает в нём рыбу.

Максим улыбнулся и поцеловал её в ответ. Марина взяла его за руку и повела по коридору. У комнаты она остановилась, открыла дверь и включила свет.

Максим сразу посмотрел на окно. Оно было закрыто. Зеркало на шкафу отражало коридор и часть лестницы. Дверь можно было запереть изнутри, но он оставил её приоткрытой.

— Хочешь, чтобы дверь осталась так? — спросила Марина.

— Да.

— Потому что ждёшь вызова?

— Потому что привык видеть выход.

— Сейчас это мешает?

Он прислушался к дому. Внизу закрылась входная дверь, по лестнице прошли шаги.

— Сейчас нет.

Марина подошла к зеркалу и набросила на дверцу шкафа платок. Он закрыл часть отражения, но дверь осталась видна.

— Так лучше?

— Да.

Она сняла с него рубашку и провела ладонью по старому шраму у плеча. Максим напрягся раньше, чем успел это скрыть.

— Больно?

— Нет. Я устал и всё равно хочу продолжить.

Марина кивнула. Он повторил вопрос ей, и она ответила так же ясно. После этого они перестали говорить о правилах: слова уже оставили каждому возможность остановиться.

Близость не стала примирением после спора. Марина задела локтем лампу, Максим поймал её у края тумбочки.

— Я всё рассчитала, — прошептала она.

— Лампа не согласна.

— У лампы нет права на отзыв.

— После комиссии появится.

Она рассмеялась ему в шею. Максим чувствовал её усталость в каждом движении и не торопил. Марина несколько раз спрашивала, здесь ли он. Он отвечал, держал её ладонь и постепенно перестал следить за дверью.

Когда шаги снова прошли по лестнице, Максим повернул голову. Марина остановилась.

— Продолжаем?

Он посмотрел на приоткрытую дверь, потом на неё.

— Да. Я здесь.

Позже они лежали поверх покрывала. Марина устроилась на боку, положив голову ему на плечо. Максим накрыл её ноги одеялом.

— Ты опять смотришь на дверь, — сказала она.

— Уже меньше.

— Я не прошу перестать. Только не говори, что не смотришь.

— Смотрю.

— Хорошо.

В коридоре стало тихо. Марина провела пальцем по его ладони.

— Помнишь нашу первую ночь?

— Да.

— Когда?

— После возвращения из старого порта. В ночь на четырнадцатое.

Марина подняла голову.

— На пятнадцатое.

— Мы вернулись тринадцатого вечером.

— Четырнадцатого. Ночь провели в Доме, но по разным комнатам. Ты дежурил у Лизы.

Ко мне пришёл на следующий вечер.

Максим вспомнил мокрую куртку на стуле, её волосы после душа и окно, по которому шёл дождь. На телефоне было четырнадцатое.

— Я пришёл сразу после возвращения.

— Не мог. У тебя была рассечена ладонь, Виктория зашивала её до двух ночи.

Максим посмотрел на левую руку. Шрам пересекал основание большого пальца. В его памяти повязка уже лежала на стуле рядом с кроватью.

— Значит, смешал дни.

— Возможно.

Марина сказала это спокойно, но села и подтянула одеяло к груди. Между ними вернулась осторожность.

— Ты помнишь, что было потом? — спросил он.

— Помню. Но не буду проверять тебя подробностями.

— Почему?

— Потому что наша близость не пароль. Если назовёшь всё правильно, это ничего не докажет. Если ошибёшься, я не получу права объявить тебя чужим.

— Я не прошу объявлять.

— Ты хочешь убедиться, что я тебя узнаю.

Максим не ответил.

Марина взяла его за руку, не сжимая пальцы.

— Я тебя узнаю сейчас. По тому, как ты споришь, моешь кружки после полуночи и проверяешь дверь. Но даже это может измениться. Ты не обязан всю жизнь оставаться человеком, которого я запомнила в старом порту.

— А если я вернусь и не вспомню эту комнату?

— Я скажу, что помню сама. Потом спрошу, что помнишь ты.

— Если ответы не совпадут?

— Скажу: не знаю.

От этих слов не стало спокойнее, зато они не отнимали у него право существовать при несовпадении.

— Мне не нравится такой ответ.

— Мне тоже. Поэтому он честный.

— Тогда договоримся: при сомнении останавливаемся. Любой контакт и любое решение за другого.

— Да. Без доказательств через тело и личные воспоминания.

— И без попытки убедить, что любовь всё исправляет.

— Особенно без неё.

Максим провёл пальцем по краю одеяла.

— Я не пойду через шов ради тебя без твоего согласия и свидетеля.

Марина долго смотрела на него.

— Скажи точнее.

— Если ты окажешься по другую сторону и запретишь мне входить, я не войду один. Не решу за тебя, что спасение важнее отказа.

— Даже если будешь уверен, что успеешь?

— Да.

— Даже если остальные не готовы?

Максим уже искал привычное оправдание: времени мало, значит, защитник решает первым. Он остановил её до слов.

— Даже тогда.

Марина кивнула и легла рядом. Спор остался открытым. Обещание не исправляло память, но лишало Максима привычного оправдания.

— Теперь спи, — сказала она.

— Это просьба или приказ?

— Проверка твоей способности выполнить разумное решение.

— Тогда провалю из принципа.

— Я позову Лизу. У неё пломба осталась.

Максим закрыл глаза. Через минуту Марина положила ладонь ему на грудь, и её дыхание стало ровнее. Он ещё раз посмотрел на дверь, затем повернулся к ней.

Платок медленно сполз с дверцы шкафа. В зеркале отражение Максима осталось сидеть у края кровати и продолжало смотреть в коридор.

Глава 8. Камень и копия

Лиза наложила модели друг на друга и получила три разных берега. В версии пятилетней давности большой валун лежал у воды. Через два года он оказался выше по склону. Последняя съёмка показывала его повёрнутым к реке другой стороной.

Программа выделила расхождения красным и предложила исправить геометрию.

— Даже не думай, — сказала Лиза.

Компьютер не ответил, но вывел окно с предложением выбрать основную модель. Рядом появилась зелёная кнопка: «Использовать наиболее точную версию».

Виктор поставил на стол два стакана кофе. На одном крышка держалась плохо, поэтому он передал Лизе второй.

— Ты уже разговариваешь с музейной техникой?

— Она начала первой. Хочет исправить берег.

— Амбициозно для компьютера, который вчера не видел половину сервера.

На центральном экране остались три модели одного участка, собранные в разные годы и разными способами. Исходные фотографии подтверждали расхождение: большой валун сначала лежал у воды, позже оказался выше и повернулся цапапиной к реке.

— Его мог сдвинуть паводок или лёд, — сказал Виктор.

Лиза включила сводный слой. Программа каждый раз возвращала позднюю модель в прежнее положение и предлагала выбрать «идеальную версию».

В настройках выяснилось, что идеальный берег собран из самых резких фрагментов разных съёмок: камень взят из одного года, вода — из другого, склон — из третьего. Целиком такого берега не существовало.

— Для виртуальной экскурсии подходит, — сказал Виктор.

— Для свидетельства — нет.

У трёх полевых моделей были авторы, даты и погода. У сводной версии в графе источника стояло: «Сводный массив».

— Ответственного заменили количеством файлов, — сказала Лиза.

Виктор согласился: модель могла фиксировать выбранное состояние, но не непрерывность меняющегося оригинала.

Виктор сел рядом. Лиза открыла данные Камня Звезды. После музейной проверки он зафиксировал направление вниз по течению, но не указал точку. Цифровая модель пыталась привязать его отклик к бетонной копии во дворе и выдавала ошибку.

— Камень подтверждает путь, а не личность, — напомнил Виктор.

— И не положение валуна. Он только показал, что ответ нужно искать у оригинала.

— Тогда независимого доказательства у нас пока нет.

— Есть независимое расхождение.

— Комиссия назовёт его повреждением базы.

— Уже назвала.

На другом мониторе открылось сообщение Ратниковой: «Просьба подтвердить техническую природу расхождений до одиннадцати часов».

Виктор посмотрел на часы.

— У нас двадцать семь минут, чтобы подтвердить то, чего мы не знаем.

— Роскошный срок.

Лиза выгрузила список кадров, которые не вошли в идеальную версию. Большую часть программа отклонила из-за воды на объективе или недостаточной резкости. Один снимок был сделан после паводка. Валун на нём отсутствовал.

На его месте лежала полоса мокрой гальки.

— Вот, — сказала Лиза.

Виктор приблизил кадр.

— Возможно, камень скрыт водой.

— Уровень ниже его основания.

— Тогда ушёл вниз по берегу.

— Почему маска продолжает стоять на прежнем месте?

Лиза включила отображение служебных слоёв. На снимке без валуна программа дорисовывала серый объём. Цифровая маска сохраняла камень там, где система ожидала его увидеть.

— Модель использует старую форму, — сказал Виктор.

— Хотя фотография её не подтверждает.

— Алгоритм заполняет пропуск.

— Убедительной записью.

Они замолчали. Та же формулировка уже появлялась в записи музейной камеры и в лифте у старого порта.

Лиза открыла отчёт построения. Маску валуна применяли ещё в четырёх проектах. Виртуальные копии музея, учебный макет и городской архив ссылались на один сводный объект. Он считался стабильным, потому что присутствовал во всех системах. Реальный камень менял положение, а его идеальная форма оставалась на месте и набирала подтверждения.

— Белый Регистр это любит, — сказала Лиза. — Копия не двигается, не спорит и всегда доступна.

— Модель не виновата.

— Я знаю.

— Ты сейчас смотришь на экран так, будто собираешься лишить его гражданских прав.

— Пока только статуса свидетеля.

Виктор забрал у неё мышь и открыл исходный каталог.

— У фотографии без валуна есть продолжение.

Следующий кадр сняли на сто двадцать метров ниже по течению. У края воды лежал похожий камень, но его видимая сторона отличалась. Лиза нашла царапину возле основания.

— Это он?

— Похоже.

— «Похоже» запишем честно.

Виктор проверил масштаб по рейке. Размер совпал. Угол поворота объяснял положение царапины.

— Если это тот же валун, он переместился больше чем на сто метров.

— И всё равно остался оригиналом.

— Для историка — да. Для модели это другой объект.

— Значит, модель описывает удобство поиска, а не непрерывность вещи.

Виктор долго смотрел на два кадра. Потом создал новую связь между объектами и назвал её «вероятное продолжение».

— Без слова «идеальное»? — спросила Лиза.

— Переживём.

— Ты быстро сдаёшь позиции.

— Я не сдаю. Меняю метод после новых данных. Редкая музейная привычка, поэтому прошу не распространяться.

Лиза сохранила проект. Система предупредила, что новая связь снижает общую точность модели.

— Пусть снижает, — сказал Виктор. — Точность, которая убирает историю изменения, нам сейчас мешает.

В серверной выяснилось, что городская версия использует идеальный валун как нормативную точку. Два полевых сотрудника пытались внести новые координаты, но система отклонила их правки и заменила отчёт сводной моделью.

Виктор снял очки.

— Я участвовал в первом проекте. Слой делали для реставрации копий, а не для назначения действующего берега.

Позже его без уведомления подключили к реестру. Когда Камень Звезды указал вниз по течению, направление исправили как ошибочное.

Лиза составила вывод: расхождение нельзя считать технической порчей до полевой проверки; цифровая модель фиксирует выбранное состояние и не подтверждает непрерывность оригинала.

Система предложила заменить «непрерывность» на «соответствие». Лиза отказалась и отправила отчёт Ратниковой.

Ответ пришёл через минуту: «В кабинет. Оба».

Ратникова разместилась в бывшей комнате заместителя директора. На стене оставалась фотография музейного коллектива, но письменный стол уже покрыли папками комиссии. У окна стоял принтер, который печатал каждую вторую страницу дважды.

Когда вошли Лиза и Виктор, аппарат выдал пустой лист.

— Даже техника предпочитает не свидетельствовать, — заметил Виктор.

Ратникова положила перед ними отчёт.

— Вы отказываетесь подтвердить повреждение базы.

— Для такого вывода нет оснований, — сказала Лиза.

— Три модели одного объекта расходятся.

— Потому что объект перемещался.

— Валун весит несколько тонн.

— Амур крупнее.

Ратникова посмотрела на Виктора.

— Вы подтверждаете?

— Подтверждаю, что съёмки сделаны в разные годы и честно показывают разные состояния берега. Причину перемещения нужно проверять на месте.

— А цифровая маска?

— Собрана для музейной задачи. Её нельзя использовать как доказательство неизменности оригинала.

— Раньше вас это не беспокоило.

— Раньше её не использовали для определения личности вернувшихся.

Ратникова встала и закрыла дверь. На столе лежал проект распоряжения. Лиза увидела название раньше, чем председатель комиссии перевернула лист: «Режим ограниченного доступа».

— За сутки зафиксировано три активных шва, — сказала Ратникова. — Один человек вернулся с расходящейся памятью. Второй не имеет подтверждённой биографии. Доброволец забыл сопровождаемого и вписал Максима Логинова. Дом пока предлагает ответы «не знаю» и поездку к камням.

— Ответ «знаю» без оснований будет хуже, — сказала Лиза.

— Для жителей это слабое утешение.

— Для человека, которого ошибочно изолируют, вполне существенное.

Ратникова постучала пальцем по распоряжению.

— У вас семьдесят два часа.

— На что?

— Представить рабочий критерий возвращения. Не философию свидетельства, а порядок, по которому можно принять решение о доступе человека к семье и работе.

— За трое суток?

— Через трое суток комиссия вводит ограниченный режим. Все активные швы переходят под внешний контроль. Доступ Дома к городским камерам будет приостановлен.

— Камеры уже создают ложных свидетелей.

— Тогда вы не должны возражать против отключения.

— Вы отключите наш доступ, но оставите камеры источником для комиссии.

Ратникова не ответила сразу.

— Материалы будут проверяться специалистами.

— Теми же моделями, которые исправили движущийся камень?

— Поэтому вы здесь и сидите.

Лиза посмотрела на проект. Под ограничение попадал и сам Дом. Внешняя охрана получала право проверять входящих, изымать архивные копии и блокировать выезды без согласования.

— Это обеспечительное изъятие под другим названием, — сказала она.

— Это защита города от закрытой организации, которая не может подтвердить собственных людей.

— Вы тоже не можете.

— Поэтому срок общий. Через семьдесят два часа либо у нас будет рабочая связка, либо решения станут жёстче.

Виктор придвинул отчёт о валуне.

— Полевая проверка нужна сейчас.

— Где?

— Сикачи-Алян, — сказала Лиза. — Исходные точки съёмки ведут туда.

Ратникова посмотрела на неё внимательнее.

— Вы хотите официально включить поездку в план расследования?

Раскрытие маршрута означало передать комиссии время выезда, состав группы и точные точки проверки. Дом терял возможность провести работу без внешнего наблюдения.

— Да, — сказала Лиза. — Но без публикации координат и без права изымать оригиналы.

— Комиссия направит представителя.

— Наблюдателя. Он не будет касаться камней и назначать местным жителям роль проводников.

— Условия согласуем отдельно.

— До выезда.

Ратникова взяла ручку и вписала маршрут в распоряжение. Рядом поставила срок: трое суток, до десяти утра.

— После поездки мне нужен критерий, — сказала она. — Не ещё одна красивая неопределённость.

— Красивые неопределённости мы оставляем музеям, — ответил Виктор.

Принтер выдал второй пустой лист. Ратникова посмотрела на него и отключила аппарат из розетки.

Лиза забрала копию распоряжения. В серверной она сразу открыла список моделей, чтобы подготовить пакет для выезда. Новый файл появился между проектами пятилетней и двухлетней давности.

Дата создания стояла на следующей неделе.

— Виктор, — позвала она.

Он подошёл и наклонился к экрану. Модель называлась обычным служебным номером. В описании значилось: «Полевое подтверждение. Оригинальный объект».

Лиза открыла её.

На берегу стоял валун, повёрнутый цапапиной к реке. Рядом находился Максим в серой рабочей куртке. Он держал ладонь на камне и смотрел за спину, словно ожидал человека, которого модель не показала.

Под фигурой стояла подпись: «Свидетель перехода».

Лиза проверила источник. Файла съёмки ещё не существовало, но координаты вели к Сикачи-Аляну, а дата была на семь дней позже срока Ратниковой.

Глава 9. Первый непризнанный

Максим поставил Камень Звезды на край музейной витрины и дождался отклика. По тёмной поверхности прошла светлая черта. Она повернула к служебной двери, которую в реальном музее запирали на ключ, а здесь оставили открытой.

За дверью начинался Зеркальный музей. В зале стояли те же витрины, но экспонаты лежали лицевой стороной к посетителям. Каменные личины смотрели прямо на входящих. Стекло отражало людей с небольшой задержкой, словно выбирало подходящее движение.

— Маршрут держится, — сказал Максим. — Возвращаемся этой же дверью. Никто не отходит от своей пары.

Музейный техник и Алексей Ковалёв письменно согласились на проверку и сами назвали цели. Виктория отвечала за техника, Нина Петровна — за действия Алексея, Марина ждала у границы со скрипкой. Сунь Чжоу остался у выхода с фрагментом карты Галереи.

— Галерея принимает маршрут до центрального зала, — сказал он. — Дальше выбирают признанную версию.

— Мы никого выбирать не будем.

— Тогда зал попробует сделать это сам.

Максим закрепил страховочную линию и передал конец Марине.

— Если прикажу тянуть, сначала спроси цель возвращения.

— А если ты решишь остаться вместо другого, я не поддержу.

— Не собираюсь.

— Значит, спорить при свидетелях не придётся.

Нина Петровна попросила начинать, пока семейный разговор не занял весь вечер.

Они вошли в зал.

Сначала ничего не изменилось. Под стеклом лежали копии украшений и наконечников, Алексей шёл рядом с матерью, а техник держался между Викторией и Максимом.

У первой витрины отражение Нины Петровны остановилось, хотя сама женщина продолжила путь. Оно повернулось к Алексею и поправило ему воротник.

Алексей замер.

— Она всегда так делала, — сказал он.

— Делала вчера? — спросил Максим.

— В детстве.

— Тогда это воспоминание, а не действие сейчас. Идём дальше.

В следующей витрине отражался другой двор. Алексей стоял у подъезда в рабочей одежде и курил, хотя утверждал, что бросил десять лет назад. Нина Петровна узнала куртку и назвала год. Сам Алексей этого эпизода не помнил.

— Витрины показывают возможные возвращения, — сказал Сунь Чжоу сзади. — Не проверяйте каждое.

— Легко сказать, — отозвался Алексей. — Там я моложе и ещё не должен никому денег.

— Ты и здесь не должен, — сказала мать.

— Это у нас разные версии памяти.

Она хотела ответить, но стекло возле техника помутнело. Внутри витрины появился кухонный стол. За ним сидела женщина, которую Виктория видела утром на семейной беседе.

Жена техника разговаривала с мужчиной, сидевшим спиной к залу. Она называла его мужем и просила не ездить к матери без предупреждения. Мужчина повернулся.

У него было лицо техника.

Тот резко отступил и задел Максима плечом.

— Это запись?

— Нет, — сказала Виктория. — На записи такого разговора не было.

— Но она говорила именно так.

Мужчина за стеклом поднялся. Его одежда совпадала с одеждой техника до мелочей. Даже кнопка на манжете была пришита чёрной ниткой вместо синей.

Стекло открылось без звука. Второй техник вышел в зал и посмотрел на группу так, словно они задержались по его вине.

— Наконец-то, — сказал он. — Я думал, вы оставили меня здесь.

Первый техник прижал ладонь к груди. Второй повторил движение через долю секунды, но остановился раньше.

— Кто вы? — спросила Виктория.

— Сергей Кравченко. Дежурный техник музея. Женат девять лет. Вчера вошёл в шов у витрины и не смог вернуться, потому что рядом не было живого свидетеля.

Первый Кравченко шагнул вперёд.

— Вернулся я.

— Ты вышел вместо меня.

— У меня твои документы.

— У меня твоя память.

Они смотрели друг на друга без злобы. Каждый пытался найти признак, который позволил бы вернуть прежний порядок. Максим видел страх у обоих. Первый боялся потерять жизнь, к которой уже вернулся. Второй боялся, что его оставят в зале из-за опоздания.

Максим попросил обоих назвать цель. Оба хотели вернуться к жене, но после уточнения ответы разошлись: первый собирался попросить у неё несколько дней, второй — выйти в город без требования немедленно признать его мужем.

Мужчины проверили друг друга воспоминаниями о квартире матери и старом чайнике. Второй знал больше ранних подробностей, первый уже разговаривал с женой и имел документы.

— Он знает больше, — сказала Нина Петровна.

— Это не делает его исходным, — ответил Максим.

Карта Галереи показала две линии от одного имени: одна вела к выходу, другая заканчивалась в центральном зале. Между ними оставался знак пустого места.

С дальнего конца зала донёсся стук каблучков. Витрины погасли одна за другой. Свет остался только над проходом.

Женщина в светлом костюме шла к ним без охраны. Волосы были собраны, в руке она держала папку с белой печатью. Сунь Чжоу сложил карту, но прятать её не стал.

— Ян Сюэ, — сказал он.

Ян Сюэ остановилась перед двумя техниками и посмотрела сначала на одного, потом на другого. Один был зарегистрирован в городе, непрерывность второго подтверждала Галерея.

— До решения я признаю наличие двух допустимых версий, — сказала она.

Оба попросили вернуть их в одну жизнь. Ян Сюэ предложила сравнить независимые показания и реестры: версия с большим числом подтверждений получала действующий статус, другая оставалась в Галерее до пересмотра.

— Я не называю это справедливостью, — сказала она второму Кравченко. — Это способ не разрушить обе жизни сразу.

У первого было больше документов и нынешних контактов, у второго — ранних воспоминаний. Первая версия совпадала с реестрами, вторая — с семейной памятью.

— Камеры не свидетели, — сказал Максим.

— Поэтому я учитываю людей. Предложите другой рабочий порядок.

— Выведем обоих. У каждого будет собственная цель и свидетель.

Ян Сюэ показала карточки: подпись Виктории уже проступала под именами обоих, хотя она ставила только одну. Галерея использовала её память без согласия.

Марина могла удержать два ритма, но не знала, кто выйдет по каждому. Максим всё равно отказался назначать единственного человека заранее.

Ян Сюэ отошла к витрине. Решение оставалось за ним, а цена больше не скрывалась за приказом суда.

Марина подняла скрипку. Она попросила каждого Кравченко ещё раз назвать цель. Первый хотел вернуться к жене и продолжить проверку. Второй хотел выйти в город, не требуя немедленного доступа к семье.

— Цели различаются, — сказала Марина. — Это поможет.

Алексей вызвался держать линию второго техника. Нина Петровна спросила, почему сын выбирает незнакомого человека.

— Потому что я тоже вернулся без готового места, — ответил он.

— Хорошо. Только не усыновляй. У меня квартира маленькая.

Виктория осталась свидетелем первого. Максим встал между маршрутами и держал Камень Звезды. Сунь Чжоу открыл карту до выхода. Ян Сюэ не вмешивалась.

Марина начала играть.

Первая мелодическая линия шла к реальной двери. Вторая повторяла её ниже и возвращалась с задержкой. Витрины по сторонам показывали разные версии выхода. В одной жена встречала первого Кравченко. В другой она закрывала дверь перед вторым. Кадры показывали только возможное будущее. Мужчины всё равно не отводили глаз.

— На дверь, — приказал Максим. — Не на витрины.

Они двинулись одновременно. Первый Кравченко держался за страховочную линию Виктории. Второй шёл рядом с Алексеем.

У выхода Камень Звезды расколол световую черту надвое. Правая линия прошла через дверь. Левая упёрлась в стеклянную стену.

— Марина, удерживай оба ритма.

— Держу.

Первый Кравченко оказался у двери. Второй прошёл рядом с ним, но пространство растянулось. Между мужчинами возникло несколько метров зеркального коридора.

Максим шагнул к ним. Камень обжёг ладонь. На его поверхности появилось два имени, написанных одно поверх другого.

— Не выбирай, — сказала Марина.

— Я не выбираю.

Он протянул руку второму Кравченко. Тот попытался ухватиться, но пальцы прошли через световую границу.

— Назовите себя, — сказал Максим.

— Сергей Кравченко.

Первый повторил то же имя. Дверь начала закрываться.

— У одного должно быть другое имя, — сказала Ян Сюэ. — Или отдельное признание.

— У него есть цель и свидетель.

— Алексей не знал его до зала.

— Зато отвечает за то, что видит сейчас.

Алексей натянул линию.

— Я свидетельствую, что этот человек вошёл в коридор со мной и хочет выйти без требования к семье.

Стена дрогнула. Вторым Кравченко сделал шаг, но его лицо на миг стало прозрачным. Первый потерял равновесие и упал на колено.

Виктория крикнула, что её линия слабеет. Марина сменила ритм. Два маршрута снова сошлись у двери, но уже не помещались рядом.

Максим мог вытянуть только одного. Не потому, что один был настоящим. Шов требовал назначить единственную версию.

— Оба назад на шаг, — сказал он.

Первый Кравченко подчинился. Второй остался у границы.

— Я уже отходил, — сказал он. — Тогда он вышел вместо меня.

— Если продолжите, дверь решит за нас.

— Она уже решила.

Он посмотрел на первого Кравченко. Тот поднялся и подошёл ближе.

— Я не просил тебя оставлять, — сказал первый.

— Но вернулся.

— Потому что не знал о тебе.

— Теперь знаешь.

Они стояли по разные стороны световой черты. Каждый мог потребовать право на выход. Ни один этого не сделал.

Второй Кравченко снял кольцо и положил на пол.

— Передайте жене, что я не отказываюсь от имени. Я остаюсь до пересмотра, а не потому, что он настоящий, а я нет.

— Я запишу именно так, — сказала Виктория.

— Сами запишите. Без камеры.

Она достала блокнот.

Марина перевела мелодию в один ритм. Первый Кравченко прошёл через дверь. Максим вышел следом и обернулся.

Второй мужчина стоял в зеркальном зале рядом с Алексеем. Тот должен был вернуться, поэтому Максим приказал ему отпускать линию и идти к выходу.

— Я могу остаться свидетелем, — сказал Алексей.

— Не можете. Ваша мать ждёт во дворе, а ваша собственная непрерывность ещё проверяется.

— Очень лестно, что меня признали недостаточно надёжным даже для чужой беды.

— Вы согласились выйти.

Алексей посмотрел на второго Кравченко.

— Я помню его решение.

— Этого пока достаточно.

Он прошёл через дверь. Шов начал закрываться. Второй техник поднял руку, и Максим ответил тем же. Между ними оставалось стекло, в котором невозможно было определить исходную сторону.

Во дворе первого Кравченко встретили комиссия и его жена. Он сам рассказал о втором человеке и не назвал его копией. Женщина попросила не превращать серый чайник в доказательство личности.

— Мы вывели одного и оставили другого, — сказала Марина. — Не потому, что доказали различие. Шов не пропустил двоих.

Максим публично остановил все переходы Дома до проверки Галереи. Дежурные оставались у известных швов, но входить никто не мог. Дом терял несколько маршрутов и принимал внешний контроль комиссии.

— Это не признание власти камеры и не согласие на автоматическую изоляцию, — сказала Марина.

Ратникова согласилась решать эти вопросы отдельно. Ограничение стало публичным, поэтому Дом уже не мог отменить его ночью ради срочного выезда.

Ян Сюэ вышла из музейной двери последней. Стекло пропустило её без музыки и страховочной линии. Она подошла к Сунь Чжоу и достала из папки лист с белой печатью.

— Ваш старый переход открыт для пересмотра, — сказала она.

Сунь Чжоу не взял документ.

— На каком основании?

— В Галерее обнаружены две признанные версии свидетеля. Одна связана с нынешними швами.

— Срок?

— Первое заседание завтра в девять.

Она протянула повестку снова. На этот раз Сунь Чжоу принял её и прочитал заголовок. «Первое дело суда свидетелей».

Внизу стояло его имя. Рядом система уже оставила пустую строку для второй версии Сунь Чжоу.

Часть II. Ложные свидетели

Глава 10. Галерея Свидетелей

Лиза приложила пропуск к белой пластине, и дверь осталась закрытой. Она повторила попытку, назвала имя и добавила цель входа. На пластине появилась строка: «Свидетель не зарегистрирован».

— Я не свидетель, — сказала Лиза. — Я участник проверки.

Надпись сменилась:

«Участник не имеет полного статуса».

— Очень приятно, что система помнит обо мне лучше, чем городские базы.

Максим попробовал открыть дверь своим Камнем Звезды. Камень нагрелся, но замок не отозвался. Вход в Галерею находился в Зеркальном Хабаровске, под зданием, которое в реальном городе занимал старый административный корпус. Окон здесь не было. Свет шёл от белых полос между плитами пола.

До заседания оставался час. Сунь Чжоу уже отстранили от всех переходов, связанных с Галереей. Его имя сохранялось на карте, но право сопровождать людей система сняла ночью.

— У нас есть официальный запрос комиссии, — сказала Лиза.

«Документ не является живым свидетелем».

— Первый разумный ответ за утро, — заметила Марина.

Лиза повернулась к ней.

— Тебе смешно, потому что твой статус полный.

— Мне смешно, потому что официальный запрос наконец поставили на место.

На двери не было ручки. В центре находились два углубления для ладоней, между ними шла строка: «Один называет цель. Второй отвечает за возвращение».

Марина согласилась свидетельствовать, но напредила, что переходы Дома остановлены. Бумажный допуск Ян Сюэ разрешал двум представителям осмотреть входную часть Галереи; один должен был иметь зарегистрированного свидетеля.

— Хочу понять, как Галерея закрепляет официальную версию, — сказал Максим.

— Тогда маршрут определяем сейчас, — ответила Марина. — До центрального коридора и личной ниши, если найдём. К залу суда не подходим. При моём отказе возвращаемся.

Максим перечислил возможные осложнения, включая другого выхода и человека, которому понадобится помощь. Марина оставила одно условие: любое изменение они решают вместе; если времени на согласование нет, в переход не входят.

Раньше Максим мог бы согласиться и поступить по обстоятельствам. Теперь он назвал точную цель и принял ограничение без скрытой оговорки.

Лиза записала их слова в бумажный журнал. Цифровая форма не приняла её подпись, поэтому рядом появилась запись о неполном статусе автора.

Страховочную линию закрепили у двери. Максим и Марина положили ладони в углубления, назвали цели и право Марины ответить «не знаю».

На металле последняя фраза побледнела, а слова «не знаю» исчезли первыми.

— На камере они остались, — сказала Лиза.

— Камера с нами не входит, — ответил Максим.

Дверь разделилась посередине и ушла в стены.

За ней начинался прямой коридор. Его левая сторона была сложена из тёмного камня. Правая представляла собой сплошное зеркало, разбитое вертикальными швами на равные участки. На каждом стояло имя.

Максим сделал шаг. Зеркальные плиты заговорили.

— Я видел, как он вошёл один.

— Она вернулась в той же одежде.

— Его голос не изменился.

— Я узнала свою дочь.

Фразы звучали рядом, хотя людей в коридоре не было. Голоса отличались по возрасту, но говорили с одинаковыми паузами. Каждое свидетельство заканчивалось уверенно.

Марина остановилась у первой плиты.

На зеркале было выбито имя женщины и дата перехода. Ниже шла фраза: «Она вернулась собой».

— Здесь есть исходная запись? — спросила Марина.

Максим провёл Камнем Звезды вдоль края. Под поверхностью проступили более мелкие строки. Часть текста была стёрта.

— Читай вслух, — попросила она.

— «Я узнал её походку и голос. Насчёт памяти...» Дальше пусто.

— Что сказал свидетель после этого?

— Галерея оставила только итог.

Марина наклонилась к зеркалу. На нижнем крае сохранилась царапина, похожая на начало буквы.

— Здесь убрали целую строку.

Они прошли дальше. В одной нише свидетель утверждал, что вернувшийся мужчина помнил дом и семью. Под официальным текстом оставался отпечаток другой фразы: «Он назвал сына чужим именем, но мог ошибиться после ранения».

Слова о сыне были счищены почти полностью.

— Галерея хранит не память, — сказал Максим. — Она сохраняет решение.

— Удобную часть памяти.

— Для суда этого достаточно.

— Для человека нет.

На следующей плите голос произнёс:

— Я подтверждаю его непрерывность.

Максим приложил ладонь к зеркалу. Поверхность стала прозрачной. За ней появилась лестница, ведущая вниз. На первой ступени стоял мужчина в старой военной форме. Рядом ждала женщина с перевязанной головой.

Мужчина говорил кому-то за пределами изображения:

— Я видел обоих до входа. Вернулась одна. Лица я не разглядел.

Последнее предложение исчезло со стены. Осталось только: «Вернулась одна».

Марина потянула Максима за рукав, и изображение погасло.

— Не задерживайся у чужого перехода.

— Там могли быть данные о деле Ян Сюэ.

— Наша цель другая.

Он хотел возразить, но вспомнил условие у двери. Камень Звезды уже тянул его к лестнице, показывая рабочий маршрут. Максим убрал его в карман.

— Идём дальше.

Марина не поблагодарила его. Это было правильно: выполнение обещания не требовало награды.

Коридор поворачивал дважды, хотя снаружи Галерея занимала узкий участок. Страховочная линия свободно лежала на полу и не натягивалась. Значит, путь пока не менялся.

Стены продолжали произносить признанные фразы. В одном месте Максим услышал голос Сомова:

— Логинов вернулся и вывел меня.

Он остановился. На плите стояла дата старого перехода, но имени свидетеля не было. Вместо него значилось: «Назначено Галереей».

— Сомов не мог подтвердить моё возвращение, — сказал Максим. — Он был внутри.

— Значит, свидетель появился позже.

— Или его назначили без участия.

Максим провёл пальцами по краю плиты. Под официальной записью чувствовались неровности. Он попытался снять верхний слой ногтём, но зеркало не поддалось.

— Перчатку, — сказала Марина.

Он надел рабочую перчатку и прижал Камень Звезды к углу. На поверхности появился светлый прямоугольник. Внутри мелькнуло лицо Сунь Чжоу, затем запись закрылась.

— Он был связан с этим переходом, — сказал Максим.

— Мы это уже знали.

— Он отрицал роль свидетеля.

— Возможно, потому что не соглашался на неё.

Коридор ответил голосом старшего:

— Максим Логинов вернулся собой.

Фраза прошла по всем стенам и повторилась несколько раз. Ни сомнения, ни пояснения Галерея не дала.

— Это не его обычная речь, — сказала Марина.

— Слишком коротко?

— Слишком удобно.

Они дошли до развилки. Прямой путь вёл к залу суда. Над аркой уже горела белая надпись: «Дело Сунь Чжоу». Справа начиналась галерея личных ниш.

Страховочная линия повернула вправо.

Максим проверил время. До заседания оставалось тридцать две минуты.

— Идём к моей нише, затем назад, — сказал он.

— Согласна.

На плитах справа имена располагались по алфавиту. Многие ниши были заполнены. В одной нише лежали часы. В другой — ключи и выцветшая фотография. Другие хранили только слепок ладони.

Ниша Максима находилась в конце ряда.

Его имя уже было выбито на верхней пластине. Даты под ним не было. Внутри лежал серый слепок правой ладони, хотя Максим никогда не прикладывал руку к этому месту.

Рядом на зеркальной стене стояли две тени.

Одна повторяла его позу. Вторая была повернута к выходу.

Марина подошла ближе, но не коснулась ниши.

— Эта ладонь твоя?

Максим сравнил линии на слепке со своей рукой. Шрам у большого пальца совпадал, но на слепке его пересекала ещё одна отметина. Свежая, которой на коже пока не было.

— Похожа.

— Это не ответ.

— Я не знаю.

Галерея сразу убрала его слова. На нише появилась фраза: «Ладонь подтверждена».

Марина ударила по стене костяшками.

— Он сказал другое.

Надпись не изменилась.

Максим снова произнёс:

— Я не подтверждаю слепок. Я не знаю, кому он принадлежит.

Стена сохранила только середину:

«Слепок принадлежит».

— Теперь понятно, как она работает, — сказала Марина. — Не создаёт ложь с нуля. Вырезает всё, что мешает решению.

Вторая тень повернула голову к ним. Сам Максим не двигался.

Марина сразу взялась за страховочную линию.

— Возвращаемся.

— Мне нужна копия текста.

— Мы нашли механизм.

— Для суда недостаточно слов.

— Максим.

— Две минуты. Маршрут не меняю.

Она посмотрела на тень у выхода. Та снова застыла.

— Две минуты. Если стена откроется, неходишь.

Максим достал из кармана лист копировальной плёнки, которую Лиза дала для зеркальных надписей. Приложил к нижней части ниши и провёл ладонью. Плёнка осталась чистой.

Камень Звезды нагрелся в кармане. Световая черта указала на стык между слепком и стеной.

Максим просунул туда край перчатки и потянул. Зеркальная крошка прошла через ткань. Острая боль резанула ладонь.

— Стой, — сказала Марина.

Он отпустил край. На перчатке расплзлась кровь.

— Поверхность сдвинулась.

— Руку покажи.

— Сначала плёнка.

— Ты обещал остановиться, если я скажу.

Максим посмотрел на нишу. Между зеркальными слоями появилась тёмная строка. Ещё одно движение позволило бы открыть её полностью.

— Останавливаюсь, — сказал он.

Марина взяла его за запястье и стянула перчатку. Порез шёл от основания большого пальца к середине ладони. Кровь быстро заполняла линию.

— Камень этой рукой не берёшь.

— Рана неглубокая.

— Это решит Виктория.

Она достала бинт из поясной сумки. Пока Марина перевязывала ладонь, капля крови упала на нишу.

Зеркало впитало её. Верхний слой официального текста стал прозрачным.

Под ним проступили мелкие буквы.

— Плёнку, — сказал Максим.

Марина сама приложила лист к стене и провела по нему рукоятью складного ножа. На поверхности проявились две строки. Первая была почти стёрта. Вторая читалась полностью.

Из арки донёсся звон. До заседания оставалось двадцать минут.

— Уходим, — сказала Марина.

На обратном пути стены пытались задержать их чужими голосами. Сомов снова утверждал, что Максим вернулся собой. Женщина с лестницы уверяла, что видела лицо вернувшейся девушки. Ни одного сомнения Галерея больше не произнесла.

У входа линия натянулась. Дверь не открылась.

На металле появилась фраза:

«Свидетель подтверждает возвращение».

— Я ещё ничего не подтвердила, — сказала Марина.

Она положила ладонь в углубление.

— Марина Морозова. Я вижу Максима Логинова рядом с собой. Мы вернулись согласованным маршрутом. Его ладонь ранена. Я не знаю, изменилось ли что-либо ещё.

Дверь сохранила лишь первые два предложения. Однако замок открылся.

Лиза ждала снаружи. Увидев бинт, она закрыла журнал.

— Девять минут. Вы продержались девять минут без травмы. Это новый рекорд или старый?

— Старый, — ответила Марина. — Новый был бы без неё.

Максим передал Лизе копировальную плёнку.

— Галерея убирает слова сомнения. Оставляет только итог, который открывает нужную дверь.

Лиза поднесла плёнку к свету.

— Здесь две записи.

— Верхняя официальная. Нижняя исходная.

Она прочитала первую: «Максим Логинов вернулся собой. Свидетель — Сунь Чжоу».

Затем перевернула лист. Под ней проступала другая фраза, написанная той же рукой.

Максим прочёл её вслух:

— «Я не видел, кто вернулся».

За дверью Галерея повторила официальный ответ голосом Сунь Чжоу, но стёртая фраза уже оставалась у них на плёнке.

Глава 11. Ответственность за увиденное

Виктория поставила у порога табурет и попросила первого добровольца выйти из комнаты. Мужчина переступил через проведённую мелом линию, развернулся и уверенно подтвердил, что вернулся тот же человек. Виктория напредила: он ещё никуда не уходил.

— Но в памятке так написано.

Он достал сложенный лист. Вверху стоял знак Дома зрителей, под ним крупно было напечатано: «Пять вопросов, которые отличат вернувшегося от подмены». Лист пришёл из общего чата. Вопросы объявил проверенными пользователь по имени «Старший свидетель».

— Очень убедительно, — сказала Виктория. — Особенно имя.

В учебной комнате сидели девять добровольцев. После остановки переходов Дом оставил дежурства у швов. Большинство пришло из домов, где уже появились зеркальные двери. Они не хотели становиться стражами. Им нужен был понятный порядок, который защитит соседей и не сделает самих добровольцев виновными в чужой судьбе.

На столе лежала карточка «Дом—улица». Рядом стояла деревянная рама без двери. За ней находился обычный двор: нужно было спуститься по трём ступеням и вернуться через боковой вход. Безопасный порог ничего не менял в пространстве. Он показывал, как быстро люди начинают повторять чужие слова.

Виктория объяснила задачу. Один человек выходил во двор, второй оставался в комнате и после возвращения называл лишь то, что видел сам.

— Контрольные вопросы задавать можно? — спросила женщина у окна.

— Можно. Совпавший ответ не станет доказательством личности.

— Тогда как понять, он это или не он?

— Сегодня вы этого не решаете.

Мужчина с памяткой поднял руку.

— Нам тогда зачем быть свидетелями?

— Вы нужны, чтобы человек не остался один у шва, — сказала Виктория. — И чтобы за ваши действия был ответственный.

— Ответственность есть, а полномочий нет?

— Именно так часто выглядит помощь.

Женщина у окна усмехнулась. Она работала в родительском комитете и назвала систему знакомой.

Виктория попросила убрать памятку. Мужчина подчинился без охоты. Готовые вопросы казались надёжнее. Она требовала другого: внимательно смотреть на человека.

Во двор вышла Анна, медсестра из дома у вокзала. Свидетелем стал Денис, электрик из соседнего квартала. Они познакомились утром и сами выбрали друг друга.

Анна вернулась через две минуты. На рукаве у неё появилась белая нитка, заранее закреплённая Викторией на дверной ручке. Денис назвал её полное имя, профессию и привычку пить кофе с молоком.

— Что из этого вы видели сами?

— Как она вышла и вернулась.

— Остальное она рассказала до прохода, — сказала Виктория.

— Но всё совпало.

— Что изменилось?

Денис заметил нитку, но перед выходом смотрел Анне в лицо.

— Не готов утверждать, что её не было, — признал он.

— Хорошо. Первый полезный ответ за утро.

Следующие пары почти дословно повторили его формулировку. Один доброволец подтвердил личность Петра, с которым познакомился двадцать минут назад.

— Он назвал контрольное слово.

— Какое?

— «Сирень».

— Значит, любой, кто его услышал, пройдёт проверку.

— Зато без споров.

Виктория ответила, что заодно проверка обходилась без смысла.

Мужчина с памяткой потребовал единую схему и спросил, накажут ли их за ошибку. Вопрос прозвучал без вызова. Он действительно боялся.

— За честно указанное сомнение вас не накажут. Но я не обещаю, что любая ошибка останется без вреда.

— Очень ободряющее обучение.

— Могу соврать красивее. Это займёт меньше времени.

В комнате засмеялись. Виктория убрала карточки со стола и повернула раму боком. Теперь каждый должен был назвать, чего не знает после возвращения партнёра, а потом выбрать действие, за которое готов отвечать сам.

Анна снова вышла во двор. После её возвращения Денис уже не торопился. Он не знал, сохранилась ли её память, и не мог объяснить появление нитки. Зато соглашался встретить Анну у двери и не оставлять одну до разговора с Викторией.

— Лучше, — сказала она.

— Но длинно.

— В опасности люди редко становятся удобнее.

Следующая свидетельница признала, что не заметила, в какой руке партнёр держал ключи. Она соглашалась проводить его до комнаты наблюдения, но не хотела звонить семье без разрешения. Пётр сказал, что всё занятие следил за часами и почти не смотрел на человека, за которого отвечал.

Чужие фразы постепенно исчезли. Женщина из родительского комитета согласилась обеспечить чай, но отказалась судить о личности по тому, как человек держит чашку. Её муж двадцать лет держал чашку неправильно, и строить на этом государственную систему она не собиралась.

К обеду группа говорила неровно, иногда путалась и исправляла себя. Виктория считала это успехом. Уверенная фраза могла открыть неправильную дверь. Живой свидетель должен был уметь задержаться перед ней.

Денис прошёл порог последним. Перед выходом он договорился с партнёром обойти раму, коснуться стены во дворе и вернуться через боковой вход.

Через минуту он остановился на пороге.

— Я видел Максима у машины.

Виктория посмотрела в окно. Во дворе стоял старый фургон Дома. Максим в это время входил в Галерею вместе с Мариной.

— Что он делал?

— Перевязывал руку. Марина держала фонарь. Он сказал, что стена в Галерее порезала ему ладонь.

Утром ладонь Максима была цела. Виктория сама проверяла снаряжение перед его уходом.

— Вы слышали его голос?

— Конечно.

Денис побледнел, заметив её выражение.

— Я не придумал.

- Я верю, что вы это помните.
- Очень аккуратная формулировка.
- Сейчас аккуратность нужна вам больше уверенности.

Она отправила остальных на перерыв. Денис сел у окна и положил руки на колени. Он спросил, действительно ли Максим ранен. Виктория честно ответила, что связи пока нет и она не знает.

- Значит, такое могло случиться.
- Могло. Но вы описали событие до получения сообщения.
- Тогда я увидел будущее?
- Оснований так считать пока нет.
- Ночью я смотрел учебные записи переходов, — сказал Денис. — После ролика о музее открылась ссылка «Уточнить свидетельский контекст».

- Вы её открыли?
- Да. Там спрашивали, кому я доверяю и готов ли принять полную версию события.
- Воспоминание появилось сразу?
- Сначала приснилось. Утром это был обычный сон, а после порога он стал воспоминанием. Я даже помню запах йода от бинта.

Виктория попросила разрешения проверить историю. Денис разблокировал телефон. После учебного ролика действительно открывалась внешняя страница. Адрес был скрыт, а разрешение на загрузку «контекста» стояло среди обычных настроек видео.

Экран мигнул. Поверх меню появилось белое окно:

«Ваше свидетельство может быть подтверждено. Получите сертифицированного свидетеля и снимите личную ответственность за ошибку».

Ниже находилась кнопка «Назначить».

- Я этого не заказывал.
- Не нажимайте. Телефон придётся оставить для проверки.
- Денис сжал аппарат.
- Там банк и переписка с дочерью.
- Скопируем только служебную часть при вас. Личные данные без отдельного согласия не откроем.
- А если не отдам?
- Вы уйдёте с дежурства до выяснения. Телефон останется у вас, доступ к швам будет закрыт.

Денис поднялся.

— Я сам пришёл помочь, честно рассказал про память, а вы меня отстраняете.

— Да.

— За честность?

— За риск, который действует через вашу память. Честность помогла его заметить.

Он отвернулся к окну. Во дворе добровольцы пили чай. Говорить правду и сразу стать ненадёжным казалось ему наказанием.

— Вы не ненадёжный человек, — сказала Виктория. — Сейчас вы не можете быть свидетелем у шва.

- Если передам телефон, дежурство вернут?
- Не сразу.
- Тогда разницы нет.
- Есть. Мы узнаем источник предложения.
- А я всё равно останусь подозреваемым.
- Свидетелем риска. Это другое.

Окно на экране не закрывалось. Внизу появился таймер: предложение действовало ещё девять минут.

— Они торопят.

— Чтобы решение показалось проще.

— А вы делаете его сложным.

— Это моя работа.

Он усмехнулся и положил телефон на стол.

— Копируйте. Только дочь не трогайте. Она и без этого считает, что я связался с сектой.

— Дом не секта.

— Передайте это человеку, который ставит табурет у двери и спрашивает, кем я вернулся.

Виктория включила изолированный контейнер и убрала туда телефон. Денис расписался на бумажной ленте, которой она закрыла крышку.

— До проверки вы отстранены от дежурств. Я уведомлю вас о результате.

— Могли бы сказать мягче.

— Могла. Смысл остался бы тем же.

Он надел куртку. У двери задержался.

— Я правда хотел помочь.

— Я знаю.

— Нет. Вы допускаете, что знаете.

Виктория выдержала его взгляд.

— Да. И отвечаю за то, что отстранила вас сейчас.

Денис вышел во двор. Анна позвала его к столу, но он покачал головой и направился к калитке.

Добровольцы вернулись в комнату уже без прежней лёгкости. Мужчина с памяткой положил лист перед Викторией. Внизу тоже обещали снять ответственность и давали адрес консультации. Под контрольными вопросами стоял белый круг и строка: «Подтверждение свидетеля в день обращения».

Анна спросила, продолжится ли занятие. Виктория ответила, что каждый сам решит, остаётся ли после случившегося. Любой отказ будет записан без оценки.

Несколько человек вышли посоветоваться. Пятеро остались. Мужчина разорвал памятку пополам, затем посмотрел на обрывки.

— Наверное, надо было сохранить как улику.

— Надо было.

— Склеите?

— Лиза склеит. Потом объяснит, почему нельзя уничтожать доказательства.

— Значит, обучение продолжается.

— Теперь уже практическое.

Когда группа снова подошла к порогу, Виктория не просила подтверждать личность. Каждый назвал действие, за которое готов отвечать. Анна согласилась оказать первую помощь и отдельно записать всё, чего не видела. Пётр отказался сопровождать незнакомого человека до дома, но обещал ждать с ним комиссию.

После занятия Виктория открыла контейнер через защищённый терминал. Телефон оставался заблокированным, однако служебное окно передало адрес назначения. Лиза подключилась на несколько секунд, получила пакет и подтвердила: ссылка вела не на городской сервер.

На карте появился рынок отражений. Точка стояла у входа, где раньше продавали чужие воспоминания как безобидные сувениры.

Под адресом услуга уже назначила Денису время приёма. До встречи оставалось сорок минут.

Глава 12. Рынок отражений

Максим приложил пропуск к чёрной раме, и проход отказался принимать его правую ладонь. На бинте проступило красное пятно. Он переложил Камень Звезды в левую руку, назвал цель входа и показал разрешение комиссии.

Рама прочитала первые строки документа, после чего вывела: «Доступ ограничен до завершения проверки Дома». Сотрудник комиссии за столом сверил номер распоряжения и предупредил, что через сорок минут закроет дверь. Максим попросил этого не делать, если задержится.

— Тогда не задерживайтесь, — ответил сотрудник.

Марина стояла у контрольной линии. Она согласилась быть свидетелем входа, но внутрь не пошла. После Галереи они решили не менять заранее названный маршрут.

— До центрального ряда, затем к адресу из телефона Дениса, — сказала она. — Обратно этой же рамой. За продавцом в закрытый проход не идёшь.

— Сначала спрошу, куда он ведёт.

— Спросить можно. Камень правой рукой не бери.

Максим напомнил, что Виктория сказала то же самое. Марина объявила это редким научным согласием и проверила его бинт.

Он положил левую ладонь на раму и повторил цель. Марина подтвердила, что видела его до входа. Проход открылся.

Рынок отражений встретил запахом мокрой ткани и шумом рабочего утра. Продавцы раскладывали документы, проверяли печати, принимали оплату. На стенах висели образцы услуг.

В первой лавке восстанавливали маршрут до утраченной вещи. Клиент приносил описание, продавец искал отражение предмета в старых витринах и выдавал вероятный путь. Рядом женщина получала копию воспоминания о потерянном кольце. Её предупредили, что запись показывает место, где кольцо видели, но не подтверждает право собственности.

Дальше начинался ряд подтверждённых воспоминаний. Покупателю предлагали выбрать событие из архива камер и закрепить его как основу свидетельства. На табличке было написано: «Для семейных споров и возвращений после кратких швов».

Максим спросил продавца, не торгует ли тот памятью о событиях, которых клиент не видел. Продавец назвал товар согласованным контекстом. Выражение звучало приличнее подделки, но сути не меняло.

На стойке лежали формы согласия. Покупатель принимал запись как собственную опору и отказывался от претензий, если воспоминание окажется неполным. Источник обещали назвать только после оплаты. Максим оставил форму на месте. Покупатель сам выбирал запись и подписывал отказ от претензий.

Адрес Дениса вёл к павильону у центрального ряда. На стекле стоял белый круг и строка: «Свидетель помнит за вас».

Справа хлопнула складная дверь. Из узкого прохода выбежал мальчик лет восьми. За ним шла женщина с пакетами. Пол под ребёнком побелел, а выход начал закрываться.

Женщина схватила сына за куртку. Ткань натянулась, но мальчик остался по другую сторону линии. Мужчина у павильона снял с двери металлическую планку, лёг на пол и вставил её в шов. Створки остановились возле его руки.

— Мальчик, смотри на мать. Как тебя зовут?

— Кирилл.

— Куда шёл?

— К маме.

Мужчина попросил женщину назвать одно действие, которое она видела сейчас. Та выдохнула, что Кирилл держится за её рукав.

— Кирилл, тянись к голосу.

Ребёнок шагнул. Пол качнулся, и Максим подхватил его за плечо левой рукой. Правая отозвалась болью. Мужчина выдернул планку, проход закрылся, оставив на металле царапину.

Кирилл оказался рядом с матерью. Она прижала его к себе и сразу сказала, что это точно её сын. Мужчина ответил, что пока она знает другое: ребёнок назвался Кириллом и шёл к ней. Остальное лучше проверить дома, без толпы.

Он поднял рассыпавшиеся покупки. Из пакета выкатилась банка горошка.

— Вот главное пострадавшее лицо, — сказал он и вернул банку женщине.

Когда мать с ребёнком ушли, мужчина осмотрел бинт Максима и без труда угадал Галерею. По его словам, обычно она резала глубже, только кровь оставалась внутри.

— Пороговый? — спросил Максим.

— Так меня здесь называют.

Он был старше Максима, с короткой сединой и спокойным лицом человека, которому часто приходилось объяснять одно и то же. Пороговый знал о записи Дениса и заметил, что вместо клиента пришёл сотрудник Дома с раненой рукой.

Максим сообщил об отстранении добровольца. После предложенной услуги Денис помнил событие, которого не видел.

Пороговый открыл павильон. Максим остался у порога и напомнил, что ему разрешён только центральный ряд.

— Павильон стоит в нём. Закрытый проход за второй дверью. Я вас туда не зову.

Внутри стояли два стула и зеркало в человеческий рост. На столе лежал планшет с договорами.

— Я не загружаю память напрямую, — сказал Пороговый. — Клиент принимает готовую свидетельскую пару. Воспоминание закрепляется позже, если её используют у шва.

— Денис получил событие без пары.

— Демонстрационный контекст не должен был перейти в личную память. Значит, сработал повреждённый порог или пришёл ошибочный шаблон.

— Назовите источник.

Пороговый ответил не сразу.

— Вам нужен поставщик. Мне нужен человек, который сможет закрыть опасный маршрут, если поставщик исчезнет. На первой встрече мы этого не получим.

— Вы вытащили ребёнка, чтобы заслужить доверие?

— Я вытащил ребёнка, потому что проход закрывался. Услугу проверяйте отдельно.

Максим сел напротив.

Пороговый коснулся планшета. Зеркало показало мужчину в форме курьера. Его отражение стояло рядом и повторяло движения без задержки.

— Архивная пара. Клиент пересекает порог. Свидетель сохраняет утверждённое состояние до возвращения.

Курьер вошёл в небольшую раму. Отражение осталось снаружи. Через несколько секунд мужчина вернулся в другой куртке и с мокрыми волосами. Отражение спросило имя и цель входа. После ответов оно коснулось стекла, и рама открылась.

Пороговый напомнил, что такой свидетель не устает и не путает дату. Семье не приходится стоять у двери всю ночь.

— Он не видел, что произошло внутри, — сказал Максим.

— Живой свидетель тоже не видит.

— Но может признать, что не знает.

— Может. Потом суд спросит, зачем он нужен.

Пороговый выключил зеркало. Архивная копия хранила только заданные вопросы и принятые ответы.

— Вы продаёте решение до события, — сказал Максим.

— Я продаю стабильную точку возврата. Человек заранее выбирает версию, которой хочет быть признан. Если после перехода она меняется, возникает спор. Понятный статус мы обещаем. Счастливую жизнь в договор не включаем.

На планшете открылся образец. Клиент выбирал имя и цель, заранее указывал допустимую травму. Память должна была совпасть с утверждённым ядром. Его определял сам покупатель, а поставщик собирал шаблон по городским записям.

— По будущим камерам? — спросил Максим.

Пороговый не удивился.

— Вы нашли даты.

Максим упомянул модель у валуна, появившуюся за неделю до съёмки, и воспоминание Дениса о раненой руке. Пороговый подтвердил: шаблоны приходят из города, где камеры уже обработали событие. Для Хабаровска дата ещё не наступила, а для источника запись завершена.

Поставщик называл это место городом камер. Там версия становилась действующей после фиксации и судебного подтверждения. Ян Сюэ создала порядок, по которому результат получал официальный статус, но подписывала не каждый шаблон.

— Она знает о торговле здесь? — спросил Максим.

— Спросите у неё.

Внизу договора стоял знак Галереи. Спорная версия передавалась суду для закрепления.

Максим потребовал прямой адрес поставщика. Пороговый согласился открыть его только после подписания договора. Условие прозвучало без угрозы: на рынке так защищали цепочку.

— Почему вы помогаете людям снять ответственность? — спросил Максим.

— Я видел, как семьи сутками ждали у входов и боялись ошибиться. Ваше правило хорошо, пока у человека есть близкий, который выдержит. А если он один? Если жена боится? Если мать больна?

Максим вспомнил Марину у двери Галереи. Она держала линию и принимала риск ошибки. Архивный свидетель мог снять с неё эту обязанность. Он никогда не устал бы и не забыл Максима.

— Подберите пару для меня, — сказал он.

Пороговый открыл форму поиска. Система уже знала профиль Максима и предложила две версии. Первая была собрана по архиву Дома и признавала его при совпадении цели. Вторая опиралась на будущие камеры.

Максим спросил, сможет ли такой свидетель никогда его не забыть.

— Пока вы соответствуете принятой версии.

— Значит, помнить будет не меня.

— Он будет помнить ваше согласованное состояние. Люди часто делают так же, только договор не читают.

Максим представил следующий переход. Марина могла остаться в Доме и не ждать у опасной двери. Если он вернётся, зеркало назовёт его по имени. Если нет, решение примет суд, а не она.

Мысль была удобной. Он задержался на ней дольше, чем хотел признать.

Пороговый открыл полный договор. Публичную часть разрешалось забрать без подписи, но условия поставщика выдавались только после согласия.

В разделе о возвращении указывалось: любая перемена, не внесённая заранее, считается дефектом версии. Клиент временно утрачивал действующий статус до решения суда. Ниже стоял пункт об устранении дефекта.

- Что означает «передача на удаление»?
- Суд удаляет спорное изменение из официальной версии.
- Из записи?
- Если возможно.
- А если изменение стало частью человека?
- Тогда суд определяет, какая версия сохраняет право на имя.

Максим напомнил о втором Кравченко, оставшемся за стеклом. Пороговый ответил, что тот хотя бы остался жив, а Дом лучшего решения не предложил. Возразить было нечего: именно поэтому Максим остановил переходы.

Он выяснил, что удаление могло коснуться памяти и связи с близким, если её признавали поздним дефектом.

- Тела?

Пороговый посмотрел прямо на него.

- Я таких решений не видел. Это не значит, что их не было.

Максим снял копию публичной формы на бумагу и сложил её.

- Я не подпишу.
- Тогда адрес поставщика вы не получите.
- Получу другим способом.
- Возможно. Только он уже будет знать, что вы отказались от удобной версии.

Пороговый не пытался забрать лист. На вопрос о Денисе он ответил, что полученная память уже стала частью добровольца. Теперь можно было признать источник и ограничить её использование, но вернуть прежнее состояние никто не обещал.

У выхода Пороговый остановился у ряда образцов.

- Один свидетель собран специально под вас. Он появился сегодня утром.

На стене включился экран. В кадре была комната Марины. Платок наполовину закрывал зеркало на шкафу. Марина сидела у кровати в той же рубашке, которую носила прошлой ночью. Она говорила спокойно, делая паузу перед каждым ответом.

— Я видела, как Максим вошёл в переход, — произнесла она. — Вернувшегося я не признала.

За кадром спросили, считает ли она Максима погибшим. Марина покачала головой.

- Я утверждаю другое. Максим уже не вернулся.

Под записью стояла дата следующей недели и отметка: «Сертифицированный свидетель. Версия принята к судебному закреплению».

Глава 13. Свидетель без профиля

Лиза положила ладонь на сканер, и городской портал предложил зарегистрировать её как объект наблюдения. Она убрала руку, протёрла стекло салфеткой и попробовала снова. Надпись не изменилась.

— Объектом я уже была, — сказала она. — Карьерный рост где?

Виктор стоял у окна пункта комиссии и держал три бумажные папки. Ратникова сидела за соседним столом. После утреннего осмотра Галереи копировальная плёнка с фразой Сунь Чжоу уже лежала в сейфе, а Максим отправился на рынок отражений.

Лиза снова открыла форму регистрации и выбрала роль «живой свидетель». Система мигнула:

«Профиль участника неполон. Доступна роль наблюдаемого объекта».

— У вас даже оскорбления канцелярские, — сказала Лиза.

— Это обозначение человека, чьи действия учитываются без права подтверждать другого, — ответила Ратникова.

— То есть мебель с журналом посещений.

— Мебель не спорит с интерфейсом.

— Поэтому её карьерный рост ещё хуже.

Виктор поставил папки перед Ратниковой. В первой были журналы музея. Во второй — медицинские записи после старого перехода. В третьей лежали показания людей, видевших Лизу в тот день.

— Три независимых следа, — сказала Лиза. — Я вошла в музей. Потом сдала кровь. Вечером Виктор ругался на меня из-за удалённого файла.

— Я подробно объяснял стоимость восстановления, — возразил он.

— С повышением голоса.

— Сервер стоил дороже моего спокойствия.

Сотрудница комиссии загрузила данные. Экран показал три источника и соединил их одной серой линией.

«Общий контур происхождения: Дом зрителей. Независимость не подтверждена».

— Клиника не относится к Дому, — сказала Лиза.

— Оплату провели со служебного счёта, — ответила сотрудница.

— Моя кровь стала ведомственным документом?

— Для портала — да.

Виктор открыл музейный журнал.

— Запись вносил охранник, который никогда не работал в Доме.

— Он использовал городской терминал, связанный с музейным контуром.

— Получается, независимый свидетель должен случайно проходить мимо и платить за анализ наличными.

Лиза раскрыла каждую связь отдельно. Музейный журнал ссылался на городской узел, медицинская запись — на тот же номер профиля, а показания Виктора портал привязал к её служебному делу. Разные люди оставили следы независимо, но система решила, что общий объект делает источники зависимыми.

— Если три человека увидят один автобус, портал посчитает, что автобус дал показания сам на себя? — спросила Лиза.

— Если у автобуса есть профиль, вполне возможно, — ответил Виктор.

Ратникова попросила не проверять эту гипотезу на городском транспорте. Лиза сохранила схему связей на бумагу. Электронную копию портал разрешал выгрузить только участ-

нику с полным статусом, поэтому принтер выдал страницу с крупной надписью «неофициально».

— Бумага честнее, — сказала Лиза. — Сразу признаёт, что ей не доверяют.

Лиза придвинула стул. Её профиль сохранял имя и фотографию, но между разделами стояли белые разрывы. После Контрольной суммы система так и не смогла собрать её в непрерывную биографию.

— Я не прошу признать всю мою жизнь, — сказала она. — Мне нужно право видеть человека до входа и после выхода.

— Портал требует непрерывность самого свидетеля, — ответила Ратникова.

— Почему?

— Чтобы суд понимал, чьё показание принимает.

— Суд принимает формулировку. Сегодня Галерея это показала.

Ратникова попросила сотрудницу выйти. Женщина забрала кружку, но оставила печенье.

Лиза подвинула тарелку к себе.

— Временное изъятие. Независимость источника не подтверждена.

Ратникова закрыла профиль.

— Я могу внести вас вручную.

— Тогда почему не вносите?

— Мандат запрещает менять статус участника расследования без решения комиссии.

Если я обойду запрет, ваше показание отменят вместе с моим распоряжением.

— Зато дверь откроется.

— На один день.

Лиза ожидала требования ждать заседания. Вместо этого Ратникова повернула экран к ней.

— Найдите законный путь без ручной правки.

— Уже нашла. Система его не любит.

— Это не редкость.

Портал требовал заполнить раздел «Полное подтверждение личности». Ответов было два: подтвердить или оспорить. Первый восстанавливал профиль по идеальной версии. Вторым передавал запись суду и запрещал участие в переходах.

Лиза достала старый ключ контура отказа. Небольшая металлическая пластина осталась после Контрольной суммы. Тогда она не позволяла системе завершить действие за человека, который не дал ясного согласия.

— Вы собираетесь вмешаться в портал? — спросила Ратникова.

— Нет. Не дам ему ответ, которого у меня нет.

— Разница для технического отдела будет неочевидна.

— Им полезно развиваться.

Она вставила пластину в боковой разъём. Портал открыл служебное поле:

«Пользователь вправе отказаться от подтверждения при невозможности ответственного выбора».

— Контур применялся к согласию на действие, — сказал Виктор. — Не к статусу личности.

— Сегодня получит вторую работу.

— Отказ не подтвердит вас свидетелем, — предупредила Ратникова.

— Мне не нужно подтверждение всей меня. Я хочу сказать, что не знаю, полна ли запись, и всё равно отвечаю за увиденное у порога.

Ратникова проверила инструкцию. Запрета не было. Разрешения тоже.

— Портал может закрыть вам доступ к городским оповещениям, — сказала она.

Лиза перестала улыбаться. Через этот канал Дом получал первые сообщения о зеркальных сбоях. После остановки переходов оповещения оставались единственным способом вовремя поставить наблюдателей.

— На какой срок?

— Пока комиссия не решит, допустим ли отказ как статус.

— То есть неизвестно.

— Да.

Виктор положил ладонь на спинку её стула.

— Можно подать заявление и дожидаться решения.

— Через семьдесят два часа Дом ограничат. Рынок уже продаёт готовых свидетелей.

Ждать удобно только системе.

Ратникова включила локальную запись и назвала дату.

— Ваш выбор будет зафиксирован. Я обязана предупредить о последствиях.

— Предупредили.

— Вы согласны продолжить?

Лиза посмотрела на поле. Галерея оставляла уверенность и выбрасывала сомнение. Здесь происходило то же самое, только вежливее.

— Да.

Она ввела: «Не знаю, является ли моя запись полной. Подтверждаю готовность отвечать за собственное наблюдение».

Портал потребовал заменить ответ. Лиза нажала пластину контура. Рядом появилась строка «оставить незаполненным».

— Последний шанс передумать, — сказал Виктор.

— Ты говоришь это потому, что согласен или хочешь потом иметь доказательство разумности?

— Хочу сохранить право сказать, что предупреждал.

— Свидетель растёт на глазах.

Лиза оставила поле пустым.

Терминал завис. Остановился курсор, погасли часы. Портал продолжал показывать её имя, но не мог присвоить роль. В разделе свидетеля появилась белая строка.

Из коридора донёсся звон. Рядом с пунктом комиссии находился малый музейный шов. После вчерашнего решения его держали закрытым, однако стеклянная дверь сейчас приоткрылась на ладонь.

Сотрудница комиссии вернулась без стука.

— Портал не отвечает. Оповещения ушли в ожидание.

Она увидела пластину в терминале.

— Вы остановили регистрацию?

— Одну запись, — сказала Лиза.

— На ней весь узел.

— Очень плохая архитектура.

Ратникова подошла к стеклянной двери. За ней была обычная подсобка, но отражение показывало длинный коридор Зеркального Хабаровска. На панели у входа мигало:

«Назначение ответственного невозможно».

— Закрыть вручную, — распорядилась Ратникова.

Сотрудница приложила служебный ключ. Шов не закрылся. Он ждал человека, которого портал мог назначить свидетелем вместо Лизы.

На терминале появилась строка:

«Выберите замещающий профиль».

Портал предложил Виктора, но отметил музейную зависимость. Затем показал Ратникову и снял её из-за надзорного конфликта. Третьим возник архивный профиль без имени.

— Вот автоматическая подмена, — сказала Лиза. — Если соглашусь на полный статус, он назначит другого ответственного.

— А сейчас оставляет шов открытым, — ответила сотрудница.

— Потому что не может сделать вид, что решение принято.

Ратникова вернулась к терминалу.

— Восстановите профиль и выберите свидетеля.

— Нет.

— Через дверь может выйти человек.

— Тогда встретим его живыми людьми, а не случайным профилем.

— У вас нет зарегистрированного свидетеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.